

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ

Дзяржаўная навуковая ўстанова
«ЦЭНТР ДАСЛЕДАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ, МОВЫ
І ЛІТАРАТУРЫ НАН БЕЛАРУСІ»

філіял «ІНСТИТУТ МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІІ
І ФАЛЬКЛОРУ ІМЯ КАНДРАТА КРАПІВЫ»

МІКАЛАЙ ШЧАКАЦІХІН: да 125-годдзя з дня нараджэння

(Матэрыялы круглага стала,
Мінск, 4 лістапада 2021 г.)

Мінск
«Права і эканоміка»
2022

УДК 39 (=161)

ББК 63.5

M59

Рэдакцыйная калегія:

А. І. Лакотка (галоўны рэдактар),

А. С. Шамрук, Т. Г. Гаранская, А. С. Сардараў

Укладальнікі:

А. Г. Алфёрава, І. І. Балуненка

M59 **Мікалай Шчакаціхін : да 125-годдзя з дня нараджэння**
(Матэрыялы круглага стала, Мінск, 4 лістапада 2021 г.) / НАН Беларусі,
Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры; гал. рэд.
А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2022. – 62 с.

ISBN 978-985-887-003-4.

У зборніку змешчаны даклады ўдзельнікаў круглага стала, прысвечанага 125-
годдзю з дня нараджэння М. М. Шчакаціхіна і праведзенага 4 лістапада 2021 г. у
Інстытуце мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фалькларыстыкі імя К. Крапівы НАН
Беларусі. У матэрыялах адлюстраваны ўклад даследчыка ў развіццё сучаснага
мастацтвазнаўства.

Адресуецца мастацтвазнаўцам, архітэктарам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй
беларускага мастацтва.

УДК 39 (=161)

ББК 63.5

ISBN 978-985-887-003-4

© ДНУ “Цэнтр даследавання беларускай культуры,
мовы і літаратуры НАН Беларусі”, 2022

© Афармленне. ВТАА “Права і эканоміка”, 2022

ЗМЕСТ

<i>Лакотка А. І.</i> Матэрыялы круглага стала, прысвечанага 125-годдзю з 4 днія нараджэння Мікалая Мікалаевіча Шчакаціхіна	4
<i>Віннікава М. М.</i> Значэнне навукова-метадычных распрацовак 5 М. М. Шчакаціхіна для сучаснага мастацтвазнаўства і музейнай практыкі	5
<i>Трусаў А. А.</i> Мікола Шчакаціхін – першы даследчык беларускага 11 мастацтвазнаўства	11
<i>Іванов Ю. С.</i> Наследники Николая Щекатихина	14
<i>Пікулік А. М. М.</i> Шчакаціхін – даследчык магілёўскай школы гравюры	15
<i>Габрусь Т. В.</i> Краевугольны камень беларускага мастацтвазнаўства: да 19 125-годдзя Міколы Шчакаціхіна	19
<i>Баженова О. Д.</i> Николай Щекатихин: анализ формы как основа 24 конституализации белорусского искусства	24
<i>Усова Н. М.</i> Об истории одного незавершённого проекта. Издание 33 рукописей «Очерк истории литовской монеты XVI – XVII столетий» и «Топография кладов с литовскими монетами на территории древнего Литовского государства» Н. Н. Щекатихина	33
<i>Сардараш А. С.</i> Навуковая пазіцыя вучонага	46
<i>Фотаальбом</i>	48

Лакотка А. І.

МАТЭРЫЯЛЫ КРУГЛАГА СТАЛА, ПРЫСВЕЧАНАГА 125-ГОДЗЮ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ МІКАЛАЕВІЧА ШЧАКАЦІХІНА

13 кастрычніка 2021 г. споўнілася 125 год з дня нараджэння Мікалая Мікалаевіча Шчакаціхіна (1896 – 1940) – вучонага і тэарэтыка культуры Беларусі – мастацтвазнаўцы, гісторыка, культуролага, педагога, стваральніка навуковай базы нацыянальнага мастацтвазнаўства. Упершыню М. М. Шчакаціхін выпрацаваў навуковую канцэпцыю гісторыі беларускага мастацтва, раскрыў асноўныя напрамкі яго развіцця і арганічна ўключыў ў кантэкст еўрапейскай культуры. Навуковая дзейнасць М. М. Шчакаціхіна па даследаванні мастацкай спадчыны Беларусі стала фундаментам далейшага развіцця айчыннага мастацтвазнаўства.

Пасяджэнне праводзілася 4 лістапада 2021 года ў Цэнтры даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. У амбэркованні прынялі ўдзел навукоўцы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта, Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь і іншых устаноў. На круглым стале абмяркоўваліся пытанні жыщёвага шляху і навуковай дзейнасці М. М. Шчакаціхіна, яго даследаванні ў галіне архітэктуры, выяўленчага і народнага мастацтва, нумізматыкі Беларусі, ролі навуковай спадчыны М. М. Шчакаціхіна для сучаснага беларускага мастацтвазнаўства.

У выступленні Марыі Мікалаеўны Віннікавай раскрыта значэнне навуковага метаду М. М. Шчакаціхіна для музейнай практикі і сучаснага мастацтвазнаўства.

Алег Анатольевіч Трусаў падкрэсліў значэнне навуковай дзейнасці даследчыка-першапраходца беларускага мастацтвазнаўства.

Фотакарэспандэнт Юрый Сяргеевіч Іваноў выступіў з кароткім паведамленнем пра нашчадкаў М. М. Шчакаціхіна.

Пра даследаванне М. М. Шчакаціхіным магілёўскай школы гравюры паведаміла Алена Мікалаеўна Пікулік.

Грунтоўны даклад пра жыццё і творчасць М. М. Шчакаціхіна зрабіла Тамара Віктараўна Габрусь. Яна адзначыла, што даследчык паклаў пачатак навуковай атрыбуцыі помнікаў архітэктуры і мастацтва, іх канкрэтнай стылявой прыналежнасці ў еўрапейскім кантэксле.

Аналізу М. М. Шчакаціхіным формы як асновы канстытуалізацыі беларускага мастацтва прысвяціла сваё выступленне Вольга Дзмітрыеўна Бажэнава.

Пра незавершаны рукапіс М. М. Шчакаціхіна, прысвечаны гісторыі манет Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVII стст. і тапаграфіі старажытных літоўскіх скарбаў, паведаміла Надзея Міхайлаўна Усава.

Армэн Сяргеевіч Сардараў, раскрываючы навуковую пазіцыю даследчыка беларускага мастацтва, адзначыў яе актуальнасць як прыклад для сапраўднага навуковага пошуку новых ведаў пра творы культуры і мастацтва Беларусі.

Такім чынам, выступленні данеслі шмат новага з навуковай спадчыны М. М. Шчакаціхіна, паказалі, што даследаванне яго творчасці не спыняеца, адкрываюцца новыя старонкі і факты.

Віннікава М. М.

**ЗНАЧЭННЕ НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫХ РАСПРАЦОВАК
М. М. ШЧАКАЦІХІНА ДЛЯ СУЧАСНАГА МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА І
МУЗЕЙНАЙ ПРАКТЫКІ**

Дзве важныя даты мы адзначаем адну за адной: 13 кастрычніка 2021 г. – 125-годдзе з дня нараджэння Мікалая Мікалаевіча Шчакаціхіна, а 30 студзеня 2022 г. – 100-годдзе заснавання Інстытута беларускай культуры. У Інбелкульце Мікола Шчакаціхін пачаў працуваць у 1925 г. Пасля яго рэарганізацыі 13 кастрычніка 1928 г. у Беларускую акадэмію навук вучоны працягваў у ёй плённую працу да арышту ў ліпені 1930 г. Цікавае супадзенне: Беларуская акадэмія навук з'явілася ў дзень нараджэння М. М. Шчакаціхіна. Простая арыфметыка дазваляе высветліць, у якім маладым узросце Мікола Шчакаціхін прыйшоў у навуку, а агляд зробленага ім здзіўляе шырынёй навуковых інтарэсаў, глыбінёй ведаў і маштабнасцю пастаўленых мэт.

Ужо ў 1928 г. убачыў свет першы том кнігі М. М. Шчакаціхіна «Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва». На думку аўтара, яна павінна была стаць першым крокам у стварэнні поўнай гісторыі развіцця беларускага мастацтва, ахапіўшы ўсе віды і формы яго праяўлення, у tym ліку і «чыста народнае, вясковое мастацтва, з яго цікаўнай орнамэнтыкай у разъбярстве, ткацтве і гафтаванні, развіццё якой цягнецца і да нашага часу» [1, с. 9]. Карані ж народнага мастацтва М. М. Шчакаціхін бачыў у далёкай мінуўшчыне і

параўноўваў арнамент на археалагічных прадметах з арнаментам на этнографічных рэчах: «Але варта ўвагі, што частка гэтых рысункаў мае супольныя рысы з сучаснай народнай орнамэнтыкай, што, можа, і не выпадкова, але съведчыць аб пэўнай традыцыйнай сталасці народных орнамэнтальных мотываў <...> Усе гэтыя мотывы шырока вядомы ў сучасным беларускім ткацтве, пераважна ў паяскох, дзе яны, магчыма, і зьяўляюцца вынікам старадаўніх дэкорацыйных традыцый, корані якіх схаваны яшчэ ў глыбіні кургановае эпохі» [1, с. 41].

Узвышаная ідэя стварэння самабытнага беларускага савецкага мастацтва, якой былі апантаны супрацоўнікі Інбелкульта, прыцягвала да гэтай установы лепшыя навуковыя і творчыя сілы маладой рэспублікі. М. М. Шчакаціхін, які быў сакратаром секцыі выяўленчага мастацтва, разумеў неабходнасць далучэння сучасных мастакоў да вытокаў гісторыі і культуры народа, дзе яны маглі б чэрпаць натхненне для сваіх твораў. Гэтую праблему ён закрануў у артыкуле «Народнае мастацтва ў Савецкім Саюзе» [2], дзе на падставе матэрыялаў, што экспанаваліся ў Маскве на юбілейнай выстаўцы «Мастацтва народаў СССР», прааналізаваў творчасць майстроў розных рэспублік. Пры гэтым адзначыў поспехі тых рэспублік, дзе была добра наладжана саматужная прамысловасць, майстры якой абапіраліся на даўнія традыцыі свайго народа. Да такіх адносіў Украіну і Узбекістан.

Пра мастацтва, прадстаўленае ў беларускім раздзеле выстаўкі, М. М. Шчакаціхін пісаў: «У параўнаньні да большасці іншых краін, яно асабліва вызначаецца сваім выключна народным, пераважна сялянскім характарам» [2, с. 154]. Пры гэтым адзначаў: «Важнае месца сярод беларускіх мастацкіх вырабаў займае тканіна і гафтаванье. Найболей харектэрныя ўзоры маюць традыцыйную геомэтрычную орнамэнтыку <...> а часткова з'яўляюцца ўжо і некаторыя новыя колеры, а таксама новыя, напрыклад, расылінныя мотывы орнамэнтыкі, значна меней строгія і меней тыповыя» [2, с. 155 – 156].

Разбурэнне і знікненне помнікаў старажытнага мастацтва, хуткія змены ў беларускай народнай культуры непакоілі М. М. Шчакаціхіна і раней. У 1926 г. быў надрукаваны яго артыкул «Спосабы зьбіраньня матэр’ялаў з беларускага мастацтва» [3], у якім аўтар заклікаў «ратаваць і захоўваць для навукі яго рэшткі, якія часта ўжо і цяпер утвараюць сабой як быццам нейкую “жывую гісторыю” нашага народа і яго ранейшага культурнага жыцця» [3, с. 62]. А для гэтага М. М. Шчакаціхін распрацаваў дакладную методыку для збору і апісання прадметаў ткацтва, разъясняй арнаментыкі, помнікаў

старажытнага мастацтва: архітэктуры (будаўніцтва), жывапісу (малярства), скульптуры (разьбярства), а таксама помнікаў прыкладнога мастацтва.

Напрыклад, у анкете для зборання ўзору ткацтва ён прапанаваў наступныя формы збору: фотаздымкі, замалёўкі, самі тканіны. Пры гэтым патрабавалася абавязковае апісанне зафіксаваных ці сабраных рэчаў па наступным плане:

«1. Назва мясцовасці (горад, мястэчка, сяло, вёска, якога раёну і акругі).

2. Як далёка знаходзіцца мясцовасць гэтая ад чыгункі, ад гораду? Ці шмат асоб займаюцца ў гэтай мясцовасці ткацтвам або гафтаваннем? Ці прадаюць свае вырабы, ці робяць іх для ўласнага ўжытку?

3. Назва зарысанага прадмету (тканіна, посцілка, ручнік, гунька, паясок, намётка і г. д.).

4. Хто яго рабіў (імя, прозвішча і па бацьку, калі не мясцовы чалавек, дык адкуль родам)?

5. Ці не мае рысунак спецыяльнай назвы ў мясцовай мове (напр. “капыцікі”, “ланцужок”, “ёлачкі”, “у лусачку” і г. д.)?

6. Адкуль узяты рысунак аўтарам (выдумаў сам, пазычыў у суседа, узяў з друкаванага рысунку, рысунак з даўных часоў ужываеца ў данай мясцовасці і г. д.).

7. З якога матэрыялу зроблена тканіна (з нітак пакупных, свайго вырабу, ільняных, ваўняных і г. д.)?

8. Чым хварбаваны ніткі? (Калі хварбай свайго вырабу, дык паказаць, як яна завецца, з чаго і як робіцца).

9. Якія назвы маюць у мясцовай мове тыя колеры, якія сустракаюцца ў рысунку?» [3, с. 63].

Акрамя такога падрабязнага апісання зафіксаванай рэчы, аўтар анкеты лічыў неабходным збіраць у кожнай мясцовасці ўсе звесткі, якія датычыцца тэхнік вырабаў, назвы ткацкіх прылад, тэхнічныя тэрміны. Ён лічыў таксама важным высвятляць, ці з'яўляеца аўтар мясцовым ураджэнцам і ці не запазычаны ім рысунак з якога-небудзь чужаземнага ўзору.

Распрацаваная М. М. Шчакаціхіным методыка збору і навуковай апрацоўкі звестак пра помнікі мастацтва і традыцыйнай культуры застаецца актуальнай і ў нашы дні. А для яго тагачасных паплечнікаў – мастакоў, этнографаў, супрацоўнікаў музеяў – гэта была дакладная інструкцыя для працы; у выніку нам у спадчыну засталіся не толькі ўнікальныя аўтэнтычныя рэчы, якія трапілі ў музей, але і каштоўныя фотаздымкі, творы графікі і жывапісу, дзе адлюстраваны як асобныя прадметы народнага адзення і

побыту, так і агульныя гістарычныя вобразы традыцыйнага асяроддзя, тыпажы жыхароў Беларусі. Сярод такіх твораў можна назваць альбомы Міхася Філіповіча з замалёўкамі ўзору беларускіх народных тканін і адзення (малюнак 1), паясоў (малюнак 2) і віцебскай набойкі, а таксама народных пернікаў, драўлянай разьбы, традыцыйных беларускіх хат [4, с. 39 – 41].

Малюнак 1. М. Філіповіч. Народныя строі Чэрвеньскага раёна. З альбома Мазырскага р-на. «Народныя касцюмы» (са збору аддзела старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі: КП-5827 / КГ-40)

Малюнак 2. М. Філіповіч. Пояс З альбома «Народныя касцюмы» (са збору аддзела старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі: КП-4502 / КГ-8)

Дзесяць з гэтых альбомаў на сённяшні дзень захоўваюцца ў аддзеле старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, адзін – у Нацыянальным мастацкім музеі Рэспублікі Беларусь. Цікавыя партрэтныя замалёўкі беларускіх сялян у традыцыйным адзенні, зробленыя М. Філіповічам, знаходзяцца ў зборы Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь [5, с. 14 – 17], як і дакладныя этнаграфічныя малюнкі Гаўрылы Аўчыннікава [5, с. 8], Міхаіла Эндэ [5, с. 9 – 13], Язэпа Драздовіча [5, с. 128 – 145] і іншых. На некаторых з гэтых малюнкаў настолькі скрупулёзна перададзены асаблівасці беларускіх строяў, жаночых галаўных убораў, наогул беларускіх тыпажоў, што яны могуць паспяхова выкарыстоўвацца ў наш час пры стварэнні музейных экспазіцый і сцэнічных вобразаў, а таксама даюць падставы для навуковых рэканструкцый у галіне традыцыйнага беларускага касцюма. Так, поводле малюнка Язэпа Драздовіча, зробленага ім у 1926 г. у мястэчку Сернікі Пінскага павета Палескага ваяводства (зараз адносіцца да Зарабанскага раёна Ровенскай вобласці ва Украіне) [5, с. 128], аўтарам дадзенага артыкула быў адноўлены стручаны на

сённяшні дзень спосаб нашэння жаночага галаўнога ўбору наміткі [6, с. 356 – 357, 359 – 360].

Неацэнны ўклад у справу захавання традыцыйнай спадчыны ўнеслі этнографічныя экспедыцыі, наладжаныя Інбелкультам у розныя раёны Беларусі. Іх вынікам сталі не толькі рэчавыя набыткі, што папоўнілі музейныя зборы, але і фатаграфічныя калекцыі. Адна з такіх экспедыцый адбылася ў 1928 г. пад кіраўніцтвам Вацлава Ластоўскага, які на той час быў загадчыкам кафедры этнографіі пры Інбелкульце і адначасова дырэктарам Беларускага дзяржаўнага музея. Экспедыцыя праходзіла па маршруце Слуцк – Асташкавічы і ахоплівала асобныя тэрыторыі Слуцкай, Мазырскай і Бабруйскай акруг. На фотаздымках, зробленых падчас экспедыцыі, адлюстраваны сяляне ў традыцыйным святочным і будзённым адзенні (малюнак 3, 4), а таксама асобныя прадметы народных строяў і ручнікі. На фатаграфіях можна ўбачыць розныя тыпажы беларусаў, а таксама рэчы, якія ўжо даўно зніклі з ужытку, і толькі адзінкі з іх захаваліся ў музейных калекцыях. Напрыклад, такія як жаночы чапец з круглым донцам, багата аздобленым раслінным арнаментам, вышытым адвольнай гладдзю; здымны каўнерчык «брыйзы», аздоблены ажурнай вышыўкай «сакаленнем», мужчынская шапка-валёнка «кучма» і іншыя.

Малюнак 3. Група моладзі з в. Анісавічы Мазырскай акругі ў святочны дзень (тэрыторыя Калінкавіцкага р-на Гомельскай вобл.), 1928 г.

Малюнак 4. Старыя жанчыны з в. Лампекі каля Даманавіч (тэрыторыя Калінкавіцкага р-на Гомельскай вобл.), 1928 г.

Фота экспедыцыі пад кіраўніцтвам В. Ластоўскага

Падчас Другой сусветнай вайны дадзеная калекцыя фатаграфій была вывезена з тэрыторыі Беларусі. Дзякуючы намаганням прафесара Адама Мальдзіса на радзіму вернуты копіі 270 фотаздымкаў у выглядзе мікрафільма [7, с. 83]. Зараз ужо ў алічбаваным выглядзе гэтая копія захоўваюцца ў аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі [8].

Усе матэрыялы, сабраныя падчас этнаграфічных вандровак па Беларусі ў першай палове XX ст. (замалёўкі, фатаграфіі, музейныя прадметы), уяўляюць сабой найкаштоўнейшы скарб для вывучэння і годнай презентацыі нашай культурнай спадчыны ў выданнях і музейных экспазіцыях (малюнак 5), а таксама для аднаўлення лепшых мастацкіх традыцый на новым узроўні і ўвядзення іх у сучасны ўжытак. У гэтым бачыцца працяг працы, пачатай Мікалаем Мікалаевічам Шчакаціхіным у 1920-я гады.

Малюнак 5. Сучасная презентацыя калінкавіцкага дзяячага строю [9, с. 201]

ЛІТАРАТУРА

1. Шчакаціхін, М. М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М. М. Шчакаціхін. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993.– 336 с.
2. Шчакаціхін, М. М. Народнае мастацтва ў Савецкім Саюзе / М. М. Шчакаціхін // Полымя. – 1928. – № 5. – С. 143 – 157.
3. Шчакаціхін, М. М. Спосабы зъбіраньня матэр'ялаў з беларускага мастацтва / М.М. Шчакаціхін. // Наш край: штомесячнік Цэнтральнага бюро краязнаўства пры Інстытуце беларускай культуры. – 1926. – № 2–3. – С. 62 – 69.
4. Шматай, В. Ф. Міхась Філіповіч / В. Ф. Шматай.– Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 100 с.
5. Ірай і боль на Песеннай Зямлі... Беларусь вачыма мастакоў 1920–1930-х гадоў : альбом / склад. Н. В. Мартынава. – Мінск : БелЭн, 2020. – 208 с.
6. Віннікава, М. Головні уборы в традиційному жіночому костюмі беларуско-украінськага пограничча (Західне Полісся) / М. Віннікава // Народознавчі зошиты. – 2018. – № 2. – С. 353 – 362.
7. Лабачэўская, В. А. Архіў забытай экспедыцыі Вацлава Ластоўскага 1928 года па маршруце Слуцк – Асташкавічы / В. А. Лабачэўская // Культура и быт белорусов в этнографических исследованиях и музеиных коллекциях : материалы междунар. науч. конф., Минск, 7–8 июня 2012 г. / НАН Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Рос. этнографический музей ; гл. ред. А. И. Локотко. – Минск, 2012. – С. 83 – 86.
8. Фотографіі экспедыцыі катэдры этнографіі. Летам 1928 году пад кіравецтвам В. Ластоўскага по маршруту Слуцак-Осташковічы адбытай [Электронны рэсурс]. – Мінск : [б. в.], 2002. – 1 электрон. Апт. Дыск (CD-ROM).
9. Віннікава, М. Традыцыйны беларускі касцюм = Традиционный белорусский костюм = Traditional belarussian costume: альбом / М. Віннікава, П. Богдан. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – 302 с.

Трусаў А. А.

МІКОЛА ШЧАКАЦІХІН – ПЕРШЫ ДАСЛЕДЧЫК БЕЛАРУСКАГА МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА

Гэтай восенню мы адзначаем дзве вельмі важныя даты ў гісторыі беларускай культуры і мастацтва. У каstryчніку споўнілася сто гадоў з часу стварэння Інстытута беларускай культуры і 125 гадоў з дня нараджэння

ўнікальнага чалавека, гісторыка мастацтва і архітэктуры, выкладчыка і педагога Мікалая Шчакаціхіна.

Калі ён апынуўся на Беларусі, прыехаўшы сюды з Расіі, то так захапіўся нашай культурай, гісторыяй і мовай, што ўжо ў 1923/1924 вучэбным годзе, будучы выкладчыкам БДУ, прачытаў па-беларуску для студэнтаў універсітета ўпершыню курс па гісторыі беларускага мастацтва, пачынаючы з эпохі неаліту. Стаяўшы дацэнтам БДУ ў 1925 г., ён быў запрошаны на працу ў Інстытут беларускай культуры, дзе стварыў Камісію па гісторыі мастацтва і паставіў пытанне аб стварэнні ў Беларусі вышэйшай мастацкай школы альбо акадэміі.

Адначасова М. Шчакаціхін вывучаў помнікі старажытнага дойлідства ў Полацку і Мінску і збіраўся напісаць і выдаць пяць тамоў па гісторыі беларускага мастацтва. Першы том, які разглядае гісторыю нашага мастацтва ад старажытнасці да XVI ст., выдала ў 1928 г. друкарня Інбелкульта пад рэдакцыяй Вацлава Ластоўскага. У 1929 г. М. Шчакаціхін становіцца навуковым супрацоўнікам Беларускай акадэміі навук, дзе працягвае плённа працаўваць.

Аднак пачаліся сталінскія рэпрэсіі, і летам 1930 г. Вучонага арыштавалі і выслалі на пяць гадоў у Башкірью, дзе ён і памёр, маючы толькі 44 гады.

Я хачу спыніцца толькі на вывучэнні М. Шчакаціхіным беларускага мураванага дойлідства XI – XVI стст. І адзначыць яго досвед у гэтым пытанні.

Даследчык заўважаў, што першым навукоўцам, які ў 1918 – 1919 гг. вылучыў беларускае мастацтва як самастойную еўрапейскую плынью, быў нямецкі даследчык Альберт Іпель. М. Шчакаціхін прадоўжыў яго думку і напісаў для сваёй кнігі вялікі раздзел «Царкоўная архітэктура XI – XII стст.» Ён адзначаў вялікі ўплыў на беларускае мураванае дойлідства ў tym ліку і пераробленых правінцыяльных візантыйскіх архітэктурных формаў [1].

Акрамя таго, даследчык падрабязна апісаў муроўкі Полацкага Сафійскага сабора XI ст. і ўказаў сярэднюю таўшчыню плінфы з гэтай муроўкі (2,5 см). У якасці аналагаў прывёў муроўку кіеўскіх і чарнігаўскіх храмаў. М. Шчакаціхін дэталёва вывучаў муры і Дабравешчанская царква ў Віцебску. Ён адзначыў, што муроўка храма вельмі падобная да візантыйскіх узоруў. Яна складаецца з тонкай даўгаватай, але часам і квадратнай плінфы, якая пакладзена разам з тоўстымі вапняковымі плітамі. Прычым два пласты цэглы чаргуюцца з вапняковым пластом, але ёсць выпадкі, калі колькасць пластоў цэглы даходзіць да трох (нават чатырох). М. Шчакаціхін пісаў: «...у першапачатковым відзе фасады царквы не мелі аднастайнае афарбоўкі, але

ажыўляліся праслойкамі чырвонае цэглы па жоўта-шэрым фоне вапняку»[1, с. 114]. Даследчык прасачыў цэглу XIV ст. у рэштках ранейшых скляпенняў храма, што сведчыла пра яго рамонт у часы Альгерда. Звярнуў увагу навуковец і на муроўку Спаса-Праабражэнскай царквы. Гэта чыста цагляная муроўка «з асобным прыёмам машкіроўкі прамежсавых шэрагаў цэглы з дапамогай досыць шырокіх пластоў надворнага тынку»[1, с. 121]. (Цяпер мы гэтую муроўку называем муроўкай са схаваным шэрагам.)

М. Шчакаціхін падрабязна разгледзеў будаўнічую тэхніку Каложскай царквы XII ст. Ён лічыў, што ўжыванне ў якасці асноўных дэкаратыўных элементаў сцен Каложскага храма разнастайных паліваных плітак і шліфаваных гранітных камянёў, размешчаных у пэўным парадку, мае аналогіі ў мармуровых і алебастравых аздобах, уласцівых храмам Візантыі і Усходу. Аналізуочы шматлікія галаснікі, умураваныя ў сцены царквы, М. Шчакаціхін палічыў, што некаторыя з іх, якія знаходзяцца ў сярэдніх частках сценаў храма, – гэта галаснікі-рэзанатары, а тыя, што залягаюць у верхніх частках муроў, мелі яшчэ і тэхнічныя мэты. На яго думку, «*калаханская галасніковая систэма, калі не цалком, дык часткова, магла мець заходніе паходжэнніе*» [1, с. 134].

Мікола Шчакаціхін быў першым беларускім даследчыкам, які звярнуў увагу на будаўнічую тэхніку нашых замкаў. Ён пісаў, што асноўныя замкавыя муры будавалі з «*груба апрацаваных вапняковых пліт, або нават з натуральнага неапрацаванага каменя, да якога часам прымешваліся кавалкі бітае цэглы, і ўсё залівалася цэмантнай раішчынай. Чыстая цэгла ўжывалася парадунальна рэдка, і амаль што ніколі ня была выключным будаўнічым матар'ялом. Толькі ў некаторых выпадках надворным мурам надаваўся выгляд цаглянае будовы, – але гэта дасягалася з дапамогаю абліцоўкі муроў, збудаваных тэй самай вышэйпамянянай зьмешанай кладкай*»[1, с. 144].

Грунтоўнае вывучэнне замкавага дойлідства Вялікага Княства Літоўскага дазволіла вучонаму ўпершыню вылучыць некаторыя рысы беларускай готыкі, напрыклад, паступовае ўзнікненне і развіццё гатычнай спічастай аркі і замена яе на паўцыркульную ці пашырэнне зорчатых скляпенняў.

У сваёй кнізе М. Шчакаціхін не абмінуў будаўнічую тэхніку Мірскага замка. Ён пісаў, што замак зроблены з камянёў і добра аблепленай ды роўна пакладзенай цэглы. Муроўка ўсюды вельмі моцная, а форма цэглы звычайная, падоўжаная. Яшчэ адна прыкмета беларускай готыкі, вылучаная М. Шчакаціхіным, гэта існаванне чатырохвежавага царкоўнага ці касцельнага будынка XVI ст. Фактычна М. Шчакаціхін першым вызначыў розныя напрамкі

будаўнічай тэхнікі беларускага мураванага дойлідства XI – XII і XIV – XVI стст.

ЛІТАРАТУРА

1. Шчакаціхін, М. М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М. М. Шчакаціхін. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 336 с.

Іванов Ю. С.

НАСЛЕДНИКИ НИКОЛАЯ ЩЕКАТИХИНА

Приятно было наблюдать единство взглядов в оценке творчества белорусского искусствоведа, теоретика искусства Николая Николаевича Щекатихина, чей юбилей отмечали на круглом столе в Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси.

Выступавшие с энтузиазмом и любовью рассказывали о трудах юбиляра, который впервые в белорусском искусствоведении выработал научную концепцию истории белорусского искусства. Печальные подробности биографии Н. Н. Щекатихина раскрываются в его письме к коллеге, профессору Владимиру Пичете. В нём за год до своей смерти учёный писал: «Я больше ни о чём не мечтаю, не хочу ехать в большой центр; Я был бы удовлетворен самой маленькой, самой скромной научной работой где-нибудь в провинции, хоть и самым молодым исследователем; готов снова начать научную карьеру ассистентом, как 17 лет назад, но только для того, чтобы полностью посвятить себя любимой научной работе. Я ещё не стар – мне всего сорок два года».

Выступления учёных опровергли мысль Николая Николаевича о том, что «белорусское искусство ещё ждёт своего историка, и нельзя надеяться, чтобы эта тема могла быть окончательно разработана не только в современный момент, но даже и в ближайшем будущем», высказанную им в 1928 г. в первом томе «Очерков из истории белорусского искусства». Достижения современного белорусского искусства и искусствоведения полно отражают всё многообразие процессов, происходящих в республике.

Говоря образно, искусствоведение выступает как внимательный наблюдатель и как подвижная интеллектуальная структура, позволяющая распознать и систематизировать процессуальные изменения в современном искусстве.

В 2018 г. Белорусский государственный университет культуры и искусств издал справочник персоналий «Современное искусство Республики Беларусь» (составитель – доктор искусствоведения В. П. Прокопцова). Данный справочник включает 513 статей с краткой информацией о биографическо-творческих данных деятелей искусства Беларуси конца XX – начала XXI в. Дело Николая Николаевича Щекатихина живёт и приносит свои заслуженные плоды.

Пікулік А. М.

М. ШЧАКАЦІХІН – ДАСЛЕДЧЫК МАГІЛЁЎСКАЙ ШКОЛЫ ГРАВЮРЫ

Сярод разнастайных навуковых інтарэсаў М. Шчакаціхіна значнае месца належыць беларускаму мастацтву графікі. Заснавальнік беларускага мастацтвазнаўства надаваў значную ўвагу сучаснай яму кніжнай і станковай графіцы і пакінуў шэраг публікаций па гісторыі беларускай гравюры. Сярод апошніх найбольшую вядомасць атрымалі даследаванні, прысвечаныя дзейнасці Ф. Скарыны [10; 11], якія і па сённяшні момант здолелі захаваць сваю актуальнасць і ўражваюць новыя пакаленні даследчыкаў навуковай глыбінёй і ўзорнай дакладнасцю.

Цікавасць М. Шчакаціхіна да творчай спадчыны беларускага першадрукара заканамерная: было б дзіёна, калі б ён абмінуў увагай гэтую знакавую для беларускага нацыянальна-культурнага адраджэння пачатку XX ст. асобу. У 1920-я гады Беларусь шырока святкавала 400-годдзе айчыннага кнігадрукавання, рыхтаваўся грунтоўны юбілейны зборнік. Ф. Скарына ўспрымаўся ў тыя часы як відавочны сімвал старажытнасці нацыянальнай мастацкай культуры, яе высокіх эстэтычных якасцей і арыентацыі на еўрапейскія культурныя каштоўнасці. Вядомы партрэт беларускага асветніка, гравюры, шрыфты і элементы кніжнай аздобы скрынаўскіх выданняў выкарыстоўваліся і ў якасці зразумелых чытачу «цытат» у кніжным мастацтве Беларусі, якое рабіла ў тыя часы першыя крокі на шляху сучаснага развіцця і нярэдка было імпульсам для асабістых творчых пошукаў мастакоў-графікаў.

Больш нечаканым стаў зварот М. Шчакаціхіна да творчасці В. Вашчанкі – аднаго з адметных мастакоў магілёўскай брацкай друкарні. У 1925 г. даследчык апубліковаў артыкул «Васіль Вашчанка – магілёўскі гравёр канца XVII – пач. XX стагоддзя», перадрукаваны пазней у зборніку «Магілёўшчына»

Магілёўскага акруговага таварыства краязнаўства [9]. Значэнне гэтага невялікага артыкула для далейшага вывучэння беларускага кніжнага мастацтва цяжка пераацаніць: ужо праз няпоўныя тры гады працы ў Беларусі М. Шчакаціхін не толькі палічыў магчымым гаварыць аб адметнасці беларускага выяўленчага мастацтва ў цэлым, але і прапанаваў новае паняцце для хараکтарыстыкі рэгіянальных яго асаблівасцяў, у дадзеным выпадку – «магілёўская школа гравюры». Навуковец меў на ўвазе перш за ўсё дзеянасць мастакоў-графікаў Максіма і Васіля Вашчанкаў. Дапоўненае далейшымі даследчыкамі ўяўленне аб магілёўскай школе гравюры дайшло да нашых дзён і пераважна – у пропанаваным Шчакаціхіным кантэксце.

Нельга не адзначыць, што прысвечаны В. Вашчанку артыкул і сёння – амаль праз стагоддзе з часу свайго напісання – з'яўляецца прыкладам узорнага мастацтвазнаўчага даследавання. У 1920-я гады Беларуская кніжная гравюра ў цэлым і магілёўская кніжная гравюра XVII – XVIII стст. у прыватнасці была амаль невядомай з'явай. Пра магілёўскае брацтва пры Багаяўленскім саборы і яго друкарню пісаў у свой час гісторык царквы Ф. Жудро [1; 2]. Асобныя кнігазнаўчыя звесткі аб выдадзеных у Магілёве старадруках пакінулі рускія бібліёграфы I. Каратаеў, А. Мілавідаў, В. Сопікаў, В. Ундоліскі і іншыя [3; 4; 7]. Д. Равінскі здолеў упершыню назваць прозвішчы магілёўскіх мастакоў кнігі, хаця не пазбег тут істотных памылак і склаў спіс кніг магілёўскага друку [6].

Прымаючы да ўвагі ўсе нешматлікія папярэднія звесткі, М. Шчакаціхін у сваім даследаванні ўпершыню выступае перш за ўсё з пазіцый мастацтвазнаўцы: ён паслядоўна і ўважліва аналізуе праблему мастацкай формы, звяртае пераважную ўвагу на кампазіцыйныя пошуки В. Вашчанкі, яго трактоўку прасторы, асаблівую «жывапіснасць» дрэварытаў майстра, своеасаблівы тыпаж персанажаў мастака, яго глыбока індывідуальну манеру гравіравання і г. д.

У беларускім мастацтвазнаўстве да 1920-х гадоў ніколі манаграфічна не аналізавалася творчасць асобных мастакоў старадрукаваных кірылічных выданняў – іх творы былі практычна невядомымі. Зразумела, не ставілася задача выявіць эвалюцыю іх творчасці. Тым не менш, у сваім артыкуле М. Шчакаціхін упершыню здолеў зрабіць гэта ў дачыненні да В. Вашчанкі: на падставе разгляду чатырох падпісанных мастаком ксілаграфій (тытулаў магілёўскіх выданняў 1698 – 1702 гг.) і стылістычнага аналізу 15 ананімных кніжных гравюр тых жа часоў, у якіх даследчык акрэсліў іх эвалюцыю. М. Шчакаціхін перш за ўсё арыентаваўся на індывідуальныя асаблівасці

творчасці мастака і разглядаў іх у развіцці, на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў. Упершыню мастацтвазнаўца не надаваў пераважнага значэння даце выходу кнігі, справядліва мяркуючы, што кнігавыдавецтва – складаная справа і далёка не заўсёды падрыхтаванае выданне ажыццяўлялася ў запланаваныя тэрміны. Не выключаліся выпадкі, калі створаныя В. Вашчанкам дрэварыты маглі быць надрукаваны пазней часу стварэння, што значна ўскладняе даследаванне яго творчасці.

Паказальнай падаецца прынцыповая пазіцыя М. Шчакаціхіна адносна дакладнасці біяграфічных звестак пра В. Вашчанку. Як вядома, майстры магілёўскай брацкай друкарні ўпершыню ў гісторыі беларускага кірыліцкага кнігадрукавання началі пакідаць на гравюрах свае подпісы, дзякуючы чаму мы ведаем некаторыя іх прозвішчы. Так, у прыватнасці, вядома, што ў канцы XVII – пачатку XVIII ст. у друкарні адначасова працавалі два Вашчанкі – Максім і Васіль. Першы быў вядомы як грамадскі дзеяч, арганізатар і арандатар друкарні, аўтар шматлікіх медзярытаў з тагачасных магілёўскіх выданняў. Другі вядомы выключна сваімі падпісанымі і непадпісанымі дрэварытамі, самыя познія з якіх былі надрукаваны ў 1730 г., а таксама падпісаным антымінасам 1708 г. [5, с. 128 – 129]. Цяжка ўяўіць, што адноўкавыя прозвішчы мастакоў – супадзенне: паміж імі, напэўна, існавалі роднасныя сувязі. З лёгкай рукі Ф. Жудро, які ўпершыню назваў Васіля Вашчанку сынам Максіма [3, с. 98], гэтаемеркаванне трывала ўвайшло ў мастацтвазнаўчу літаратуру, хаця дакументальных пацвярджэнняў мы дагэтуль не маем. М. Шчакаціхін, які, як вядома, заўсёды асцярожна і ўважліва ставіўся да даставернасці фактаў, нідзе і ніколі не называў Максіма і Васіля бацькам і сынам і ўжываў толькі слова «родзічы» [9, с. 123].

Далейшае вывучэнне дзейнасці магілёўскай брацкай друкарні XVII – XVIII стст. пераканаўча паказала, што пераважная большасць меркаванняў М. Шчакаціхіна пацвердзілася [5, с. 54 – 67]. Тым не менш, ёсць выпадак, калі даследчык, здаецца, памыліўся. Ён упэўнена аднёс да твораў В. Вашчанкі дрэварыт «Ушэсце Багародзіцы» з «Ірмалоя» 1700 г. Між іншым, на ілюстрацыі ёсць подпіс, які, відавочна, М. Шчакаціхін не заўважыў. Ініцыялы у левым ніжнім вуглу гравюры не пакідаюць сумненняў, што аўтарам гэтага твора быў Фёдар Ангілейка. Пазней у выніку вывучэння магілёўскіх выданняў канца XVII – пачатку XVIII ст. усяго было выяўлена 8 падпісаных гравюр Ф. Ангілейкі і каля 20 непадпісаных твораў, якія маглі належаць яго творчасці [5, с. 67 – 74].

Сёння, амаль праз стагоддзе пасля публікацыі артыкула М. Шчакаціхіна, пра дзейнасць магілёўскай брацкай друкарні пры Багаяўленскім манастыры нам вядома больш. За час існавання друкарні (г. зн. з 80-х гг. XVII ст. па 80-я гг. XVIII ст.) з яе сцен выйшла каля 40 кірыліцкіх выданняў, пераважная большасць з якіх была падрабязна ілюстраваная. Упершыню ў гісторыі беларускай кірылічнай кніжнасці гравюры стваралі своеасаблівую і падрабязную выяўленчую паралель тэксту. Мастакі друкарні першы раз пакінулі на сваіх творах подпісы, дзякуючы чаму мы ведаем прозвішчы Максіма і Васіля Вашчанкаў, Фёдара Ангілейкі, Афанасія П. (Пігарэвіча?). Старонкі магілёўскіх брацкіх выданняў упершыню адначасова былі ўпрыгожаны традыцыйнымі дрэварытамі і новымі для кірыліцкіх старадрукаў медзярытамі. Узнікшы на плённым сумежжы, на спалучэнні праваслаўнай-візантыйскай і каталіцка-раманская культур, якія ўступалі ва ўзаемадзеянне з мясцовым эстэтычна-стрыманым варыянтам барока і знаходзіліся пад уплывам моцных фальклорных традыцый, магілёўская кніжныя гравюры пераастаюць па сваім значэнні рамкі вузкай рэгіянальнай школы і з'яўляюцца значным укладам у агульнае развіццё беларускага выяўленчага мастацтва. Уяўленне аб гэтай з'яве пачалося і дагэлага часу шмат у чым грунтуецца на артыкуле М. Шчакаціхіна.

ЛІТАРАТУРА

1. Жудро, Ф. Богоявленский братский монастырь в г. Могилёве / Ф. Жудро. – Могилёв : Тип. Могилёўскага губернскага правления, 1899. – [2]? 51 с. [1] л. ил.
2. Жудро, Ф. История Могилёвского Богоявленского братства / Ф. Жудро. – Могилёв-на-Днепре : Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1890. – 112 с.
3. Каратаев, И. П. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491 – 1730 / И. П. Каратаев.– СПб. : Тип. Академии наук, 1861. – XIX, [5], 228 с.
4. Миловидов, А. И. Описание славяно-русских старопечатных книг Виленской публичной библиотеки (1491 – 1800) / А. И. Миловидов. – Вильно : Тип. А. Г. Сыркина, 1908. – 160 с.
5. Пікулік, А. М. Мастацтва магілёўскіх старадрукаў /А. М. Пікулік. – Мінск : Тэхнапрынт, 2002. – 199 с.
6. Ровинский, Д. Русские гравёры и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств /Д. Ровинский. – М. : Уварова, 1870. – 404 с.

7. Сопиков, В. С. Опыт российской библиографии: в 5 ч. / В. С. Сопиков. – СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1904 – 1908. – Ч. 1 – 5.
8. Ундельский, В. М. Очерк славяно-русской библиографии / В. М. Ундельский ; с доп. А. Ф. Бычкова, А. Викторова. – М. : Московский публичный и Румянцевский музеи, 1871. – [4], IV с., 338 с.
9. Шчакаціхін, М. Васіль Вашчанка – магілёўскі гравёр канца XVII – пач. XVIII сталецца / М. Шчакаціхін. –Мінск : [б. в.], 1925. – С. [2], 123 –135, [9] л. іл.
10. Шчакаціхін, М. Гравюры і кніжныя аздобы ў выданнях Францішка Скарыны / М. Шчакаціхін. – Мінск : Ін-т беларускай культуры, 1926. – 50 с., [36] л. іл.
11. Шчакаціхін, М. Да пытання аб храналогіі «Малой падарожной кніжыцы» Скарыны: Scriniana : [артыкул] / М. Шчакаціхін. –Мінск : [б. в.], 1928. – С. 435 – 450.

Габрусь Т. В.

КРАЕВУГОЛЬНЫ КАМЕНЬ БЕЛАРУСКАГА МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА: ДА 125-ГОДДЗЯ МІКОЛЫ ШЧАКАЦІХІНА

Калі паслядоўна выпрацоўваецца дакладна структураваная сістэма ведаў, назапашаных чалавекам, яе звычайна параўноўваюць з будынкам. Невападкова існуе крылаты выраз «будынак науки», які, як і кожны будынак, каб надзейна трymацца, мусіць мець свой падмурак. Своеасаблівым краевугольным каменем у падмурку гісторыі архітэктуры Беларусі і нават усяго беларускага мастацтвазнаўства стаў выдатны вучоны, пакутнік за ідэю айчыннага нацыянальнага мастацтва Мікола Шчакаціхін, 125-гадовы юбілей якога адзначаеца сёлета.

На мяжы XVIII – XIX стст. у Расійскай імперыі пачалося навуковае вывучэнне нацыянальнай рускай культурнай спадчыны, якая стала аб'ектам пільнай увагі грамадства і грунтам для фарміравання адметных напрамкаў у гісторыі архітэктуры ў кантэксце ідэалогіі западніцтва і славянафільства [1]. Вядомымі расійскімі вучонымі А. С. Уваравым, Н. П. Кандаковым, А. М. Паўлінавым былі зроблены першыя спробы натурнага вывучэння і графічнай фіксацыі збудаванняў, распрацаваны метад датавання старажытных помнікаў на падставе аналізу асаблівасцей муроўкі. Галоўная ўвага надавалася вывучэнню пісьмовых і археалагічных гістарычных крыніц. Крыху пазней, з сярэдзіны XIX ст., аб'ектам цікавасці расійскіх гісторыкаў рэлігіі, археолагаў і

мастацтвазнаўцаў сталі таксама помнікі ўкраінскага дойлідства. Пачала фарміравацца ўласна ўкраінская архітэктуразнаўчая школа. Але беларуская мастацкая культура па-ранейшаму заставалася «белай плямай» альбо «чорнай дзіркай» расійскай дарэвалюцыйнай навукі.

Вывучэнне своеасаблівых форм беларускай архітэктуры ў цэлым, тым больш іх мастацтвазнаўчая ацэнка, пачаліся з вялікім спазненнем у падарунанні з суседнімі народамі. Улады Расійскай імперыі ў XIX – пачатку XX ст. праводзілі на Беларусі рэакцыйную палітыку, адным са сродкаў якой было прыніжэнне культурных каштоўнасцей беларускага народа і нават мэтанакіраванае іх знішчэнне. Пратаколы пасяджэнняў Імператарскай археалагічнай камісіі па пытаннях рэстаўрацыі сведчаць пра тое, што не толькі мураваныя, але і больш традыцыйныя драўляныя храмы Беларусі XVI – XVIII стст. абвяшчаліся «польскімі» альбо не «истинно-рускімі». На гэтай падставе рабілася выснова пра іх нізкую мастацкую каштоўнасць. Беларусь стабільна і тэндэнцыйна ўспрымалася толькі як паўночна-заходні рэгіён расселення «рускай народнасці». З гэтай прычыны ацалелыя помнікі старажытнасці Беларусі разглядаліся толькі як этнографічны дыялект. Першыя звесткі пра іх з'яўляюцца ў этнографічных і краязнаўчых працах А. Кіркора, П. Шпілеўскага, А. Дэмбавецкага, Е. Раманава, М. Без-Карніловіча, выданнях матэрыялаў па геаграфіі і статыстыцы Расіі, што ўключалі губерні Паўночна-Заходняга краю, і інш. У даволі значнай колькасці прац гісторыка-краязнаўчага характару разглядалася галоўным чынам рэлігійная гісторыя асобных сакральных помнікаў і манастырскіх ансамбляў. У гэтых працах не закраналіся ўласна архітэктурна-мастацтвазнаўчыя пытанні: яны часам зводзіліся да інвентарызацыі аб'ектаў. Да таго ж падача матэрыялаў у іх (як на рускай, так і на польскай мовах) вызначаецца тэндэнцыйнасцю, двухвектарным шавінізмам, праваслаўным альбо каталіцкім клерыкалізмам (П. Бацюшкага, Ф. Стэрновіч, Л. Паеўскі, А. Тавараў, Ф. Цітоў, Я. Арлоўскі, І. Мітрашэнка, Ф. Жудро). Для станаўлення айчыннага мастацтвазнаўства ў галіне гісторыі архітэктуры істотнае значэнне мелі тыя крыніцы, якія ўтрымлівалі багаты гісторычны матэрыял – гэта працы А. Сапунова, Д. Даўгяла, А. Семяントоўскага, М. Нікіфароўскага, У. Краснянскага [2]. Пачатак прафесійнаму навуковаму вывучэнню гісторыі архітэктуры Беларусі паклалі два артыкулы акадэміка А. Паўлінава, надрукаваныя ў «Трудах IX Археологіческого съезда в Вильне 1893 г.». Гэтыя працы ўпершыню прысвечаны разгляду ўжо не рэлігійнай гісторыі храмаў, як у папярэднікаў, а ўласна іх архітэктуры, з вызначэннем яе адметных рыс [3, с. 19 – 26, 27 – 36].

У пачатку 1920-х гадоў у БССР зараджаеца навуковае мастацтвазнаўства, сапраўдны падмурак якога быў закладзены шматгаліновай дзейнасцю Інстытута беларускай культуры. У яго сценах узнякае цікавасць да асаблівасцей нацыянальнай мовы беларускай архітэктуры. Аснову айчыннага архітэктуразнаўства склалі працы даследчыкаў пераважна расійскай гісторыка-археалагічнай і мастацтвазнаўчай школ (М. Брунова, М. Шчакаціхіна, І. Хозерава), а таксама беларускіх (М. Каспяровіча, У. Краснянскага, П. Красавіцкага).

Галоўнае месца ў справе станаўлення беларускага мастацтвазнаўства, бяспрэчна, належыць Міколе Шчакаціхіну (1896 – 1940), «вуснамі якога гаварыла само мастацкае мінулае Беларусі, гаварыла яскрава, пераканаўча, незабыўна» [4]. Будучы вучоны нарадзіўся 1 кастрычніка (па старым стылі) 1896 г. у заможнай інтэлігентнай сям'і «сярэбранага веку» (вядома, што яго бацька паходзіў з Магілёўскай губерні), класічную адукцыю атрымаў у маскоўскай гімназіі імя А. Флёрава, мастацтвазнаўчую – у Маскоўскім універсітэце на гісторыка-філалагічным факультэце (1914 – 1918), пасля працаваў у музеях Масквы, Арла, Харкава. Ведаў 12 еўрапейскіх моў, пісаў вершы. У 1922 г. М. Шчакаціхін стаў асістэнтам кафедры гісторыі і тэорыі беларускага мастацтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і распрацаваў першы грунтоўны курс лекций па гэтай тэме. М. Шчакаціхін пачаў сістэматyzаванае даследаванне беларускай мастацкай культуры. Ён адзначаў, што патрэбна ўвесці час імкнущца да больш глыбокага разумення беларускасці, не абмяжоўвачы сябе вузкім этнографізмам, што «нацыянальны кірунак у мастацтве, у першую чаргу, можа даць цэлы шэраг вельмі цікаўных сюжэтаў, у якіх выяўляеца агульнае ablічча краіны з самых розных бакоў і пунктаў гледжання». Яго працы вызначае гарманічнае спалучэнне глыбокага прафесійнага аналізу, грунтоўнага валодання гісторыяй і эмацыянальнай вобразнай беларускай мовы. У адрозненне ад папярэднікаў, расійскіх і польскіх даследчыкаў, М. Шчакаціхін упершыню разглядаў айчынную архітэктуру як вынік мастацкай творчасці беларускага народа, акцэнтаваўшы на нацыянальных каранях з'явы.

М. Шчакаціхіным уведзена аргументаваная навуковая перыядызацыя гісторыі беларускага мастацтва, сформуляваны адметныя характеристыкі мясцовых школ дойлідства старажытнарускага перыяду, акрэслены паняцці «беларускай царкоўнай готыкі» і «беларускага барока». Першы том «Нарысаў з гісторыі беларускага мастацтва» ахопліваў перыяд ад глыбокай старажытнасці да сярэдзіны XVI ст. [5]. Гісторыя архітэктуры прысвечана трох

разделы, у якіх аўтар разглядаў манументальныя сакральныя помнікі XI – XII стст., замковае будаўніцтва XII – XVI стст., абарончыя гатычныя храмы XV – XVI стст. Найбольш цікавымі, на наш погляд, мастацтвазнаўчымі пытаннямі, закранутымі даследчыкам, з'яўляюцца фарміраванне аднаапсіднасці, уплыў драўлянага дойлідства на мураванае, генезіс гатычных формаў, роля і своеасаблівасць пражоўтальянскага рэнесансу ў беларускай архітэктуры. Вучоны меркаваў ажыццяўіць шэраг далейших мастацтвазнаўчых даследаванняў, прысвечаных помнікам барочнай архітэктуры XVII – XVIII стст., архітектурным формам драўлянага будаўніцтва, помнікам малярства, разьбярства, гравюры. Пра беларускую архітэктуру эпохі барока ён паспей зрабіць толькі першыя накіды, іншы раз спречныя (напрыклад, гіпотэза пра паходжанне двухвежавасці беларускіх храмаў розных канфесій), але вялікая заслуга даследчыка ў тым, што ён упершыню гаворыць пра беларускае барока як цэласную і самастойную архітектурна-мастацкую сістэму ў єўрапейскім кантэксце [6].

У 1928 г. выйшаў першы том прац Камісіі па гісторыі мастацтва, створанай па ініцыятыве М. Шчакаціхіна [7]. Выданне прадстаўляла шырокое кола навуковых пытанняў беларускага мастацтвазнаўства таго часу, якія пачалі ўздымацца і распрацоўвацца шматлікімі даследчыкамі. У яго ўвайшлі працы М. Шчакаціхіна, І. Хозерава, Т. Ржавускай, П. Красавіцкага, У. Краснянскага. Зборнік прац Інстытута беларускай культуры меў на мэце паказаць значнасць і арыгінальнасць укладу беларускага мастацтва ў сусветную культурную скарбніцу.

М. Шчакаціхін уважліва ставіўся і да проблем сучаснага яму выяўленчага мастацтва, якое, на яго думку, павінна выцякаць з айчыннай гісторыі: «...нацыянальны стыль не прыдумваецца, а расце арганічна, складваючыся ў новых сацыяльных умовах, ён паступова перарабляе ў сябе старыя формы згодна з выдазмненнямі эканамічнага, палітычнага і грамадскага жыцця, яго нельга зрабіць адразу, нельга стварыць прымусова і штучна. Патрэбна доўгая праца, за якую як найхутчэй трэба ўзяцца» [8]. Ім была прапанавана арганізацыя рэспубліканскай сістэмы мастацкага выхавання і адукцыі, стварэнне прафесійнай асацыяцыі мастацкіх сіл Беларусі, укаранення дасягненняў нацыянальнай мастацкай творчасці ў архітэктуру і прамысловавытворчую сферу, падтрымання на дзяржаўным узроўні народных промыслаў, фарміраванне сеткі спецыялізаваных мастацкіх школ ад пачатковых да вышэйших – інстытута ў Мінску, стварэнне дзяржаўнага

органа па кіраванню праблемамі культуры і г. д. – у цэлым ім быў акрэслены кірунак дзейнасці будучага Міністэрства культуры.

18 ліпеня 1930 г., ва ўзросце няпоўных 34 гадоў, даследчык быў арыштаваны па даносе па сферыкаванай справе «Саюза вызвалення Беларусі» і па прысуду сасланы на 5 гадоў у горад Белебей у Башкіріі. Там ён з марай пра навуковую работу, але пазбаўлены яе, працаўваў на розных дробных службовых пасадах. У 1937 г. зноў быў арыштаваны, і зноў, і зноў, амаль на кожнае рэвалюцыйнае свята. М. Шчакаціхін памёр ад сухотаў у Белебеі 5 красавіка 1940 г., у 1956 г. рэабілітаваны. Трагічны, аднак тыповы лёс нацыянальна свядомага беларускага вучонага сталінскага часу. Калі я нарадзілася, яму магло б быць усяго 49 гадоў, але ценъ яго трагічнага лёсу яшчэ выразна падаў на маё юначае захапленне гісторыяй беларускага мастацтва. У той час яго працы для вывучэння можна было атрымаць толькі праз Першы аддзел. Здавалася, гісторыя пільна сцірае ўсе сляды. Але памяць пра вялікага вучонага праастала ў працах удзячных паслядоўнікаў: А. Ліса, Т. Габрусь, Н. Высоцкай, В. Чарнатаў і іншых. У 1996 г. на Навуковых чытаннях, прысвечаных 100-гадоваму юбілею М. Шчакаціхіна, у Нацыянальным мастацкім музеі Беларусі мы радасна сустрэліся з 22 нашчадкамі вучонага, з гонарам адчулі сябе яго духоўнымі спадчыннікамі [9]. Прайшла яшчэ чвэрць стагоддзя, але пытанні нацыянальнай культуры, узнітыя М. Шчакаціхіным, застаюцца па ранейшаму актуальнымі.

ЛІТАРАТУРА

1. Славіна, Т. А. Исследователи русского зодчества. Русская историко-архитектурная наука XVIII – начала XX века / Т. А. Славіна. – Л. : Изд-во ГЛУ, 1984. – 192 с.
2. Хадыка, Т. В. Крытычны агляд літаратуры па гісторыі архітэктуры Беларусі эпохі феадалізму / Т. В. Хадыка // Книга, библиотечное дело и библиография в Белоруссии.– Минск, 1974.– С. 195 – 209; Габрусь, Т. В. Драўлянае хрысціянскае храмабудаўніцтва Беларусі / Т. В. Габрусь. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – 318 с.
3. Труды IX Археологического съезда в Вильне в 1893 г. / под ред. Гр. Уваровой и С. С. Слуцкого. – М. : Тип. Э. Лиснераи Ю. Романа, 1895. – Т. 1. – [1], 349, 165 с.
4. Ліс, А. Мікола Шчакаціхін: харство непазнанай зямлі /А. Ліс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – 128 с.

5. Шчакаціхін, М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М. Шчакаціхін. – Мінск : Інбелкульт, 1928.–Т. 1.–278 с.

6. Шчакаціхін, М. Помнікі старадаўняе архітэктуры XVII – XVIII стагоддзяў у Менску / М. Шчакаціхін // Запіскі аддзела гуманітарных навук Інбелкульта.– Кн. 6. Працы камісіі гісторыі мастацтва.– Мінск : Выд-ва Інбелкульта, 1928. – Т. 1, сш. 2. – С. 1 – 38.

7. Запіскі аддзела гуманітарных навук Інбелкульта.– Кн. 6. Працы камісіі гісторыі мастацтва. – Менск., 1928. – Т. 1 – Сш. 2. – 148 с.

8. Шчакаціхін, М. Наша сучаснае мастацтва і нацыянальны стыль / М. Шчакаціхін // Трибуна искусства. – 1925. – № 3. – С. 2.

9. Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна. 1896 – 1940 / Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь.– Мінск : [б. в.], 1996. – 117 с.

Баженова О. Д.

НИКОЛАЙ ЩЕКАТИХИН: АНАЛИЗ ФОРМЫ КАК ОСНОВА КОНСТИТУАЛИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ИСКУССТВА

В данном материале нас будет интересовать методологический аспект подхода Н. Н. Щекатихина к формированию границ и стилистических особенностей белорусского искусства.

Целью данной статьи является выявление особенностей формального анализа в искусствоведческой работе Н. Н. Щекатихина на примере рассмотрения его обобщающей статьи «Белорусское искусство» для Большой советской энциклопедии (БСЭ) в 66 томах [11]. Статья вышла в пятом томе, напечатанном в 1927 г.; в 1930 г. вышел его дополнительный тираж в количестве 10-12 тысяч экземпляров. Энциклопедия была самым грандиозным издательским проектом советской эпохи и одной из крупнейших и наиболее авторитетных универсальных энциклопедий в мире, её первое издание выходило в течение 1926 – 1947 гг.¹ Все основополагающие решения по БСЭ –

¹ В 1925 г. в соответствии с постановлениями ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР было учреждено акционерное общество «Государственное научное издательство “Большая советская энциклопедия”» (затем «Советская энциклопедия», в настоящее время – «Большая Российская энциклопедия») и началась работа по подготовке первого издания. Всего было выпущено 66 томов. Они выходили с 1926 по 1947 годы тиражом 50-80 тысяч экземпляров. К написанию статей, научному руководству и редактированию привлекались крупнейшие учёные страны, и это стало обычной практикой на все дальнейшие годы. Первое издание

от определения политики по её содержанию до организации полиграфического исполнения – всегда принимались на высшем государственном и партийном уровне. Главным редактором энциклопедии явился академик Отто Юльевич Шмидт (1891 – 1956), который родился в Могилёве и провёл там большую часть своих гимназических лет. В состав редакции входили теперь уже забытые и легендарные имена: Н. И. Бухарин, В. В. Куйбышев, М. Н. Покровский, Г. И. Бродский, Н. Л. Мещеряков, Л. Н. Крицман, Ю. Ларин, Г. М. Кржижановский, В. П. Милютин, Н. Осинский, Е. А. Преображенский, К. Радек, И. Степанов-Скворцов. Аналитики пишут, что сведения, собранные в первом издании БСЭ, в подавляющем большинстве сохраняют свою актуальность и сегодня. То же, что «устарело», представляет собой непреходящий исторический интерес.

Николай Николаевич Щекатихин приехал в Минск в конце 1921 г.¹ [5; 6; 9]. Его научные интересы сконцентрировались на изучении истории и современности белорусского искусства. Вехи короткой и трагической жизни основоположника белорусского искусствознания таковы: через два года по приезде (с 1923 г.) он уже читал разработанный им курс по истории белорусского искусства в Белорусском государственном университете. Также он начал служить с 1927 г. учёным секретарём в отделе по изучению белорусского искусства в Инбелкульте, в 1929 – 1930 гг. возглавлял комиссию по истории искусства в Белорусской академии наук. Перечисление данных вех нам необходимо, чтобы подчеркнуть стремительность вхождения Н. Н. Щекатихина в пространство истории искусства молодой советской республики, объявившей о своей независимости и самостоятельности в 1918 г. Перед Н. Н. Щекатихиным открылись перспективы выстраивания и изучения ранее не выделяемого в самостоятельный блок исторического материала. Но эта новационная работа сразу оказалась отмеченной сложностью и ответственностью, поскольку впервые художественные памятники объявлялись принадлежащими культуре и искусству именно исторической Беларуси. Требовался критерий, согласно которому можно было выявлять, собирать и анализировать артефакты белорусского искусства, как древнего, так и современного. Самым существенным оказался критерий укоренённости, обнаружения памятников именно на территории Беларуси. Но этого было

БСЭ готовилось при непосредственном руководстве и участии Н. И. Бухарина и других видных партийных деятелей, многие из которых позднее были «развенчаны» и репрессированы.

¹Архивные сведения позволяют уточнить дату приезда в Минск – декабрь 1921 г. [6, с. 4].

недостаточно. Учёному предстояла работа по изучению и анализу процессов формообразования белорусского искусства. Данный методологический подход позволил Н. Н. Щекатихину впервые конституализировать белорусское искусство, задать ему исторический статус, определить хронологические рамки, обозначить выдающихся мастеров и, в целом, начать работу по выявлению имён белорусских художников, их произведений в графике, живописи, иконе, скульптуре, монументальном искусстве, архитектуре, определить последовательность и взаимовлияние стилистических норм в искусстве и архитектуре от эпохи Средневековья до Нового и Новейшего времени. А самое главное, указать путь, направляясь по которому, исследователь может осуществлять поиск и выявление белорусского в безмерном мире искусства Восточной и Западной Европы. Для Н. Н. Щекатихина главным ориентиром была форма произведения, возникшая в результате процесса длительного развития искусства на наших землях.

Н. Н. Щекатихин предстал в своей аналитике белорусского искусства для энциклопедического издания вёльфлинианцем, то есть последователем принципов академического классического искусствоведения, основой которого является визуально-формальный анализ Генриха Вёльфлина (1864 – 1945) и его последователей. О значении методики Г. Вёльфлина следует сказать словами Александра Якимовича в комментариях к книге «Ренессанс и барокко»: «...теория Вёльфлина позволила начать историю искусствоведения в <...> новой ипостаси – в виде академической науки <...> науки, которую преподают в университетах, за которую присуждают звания и титулы и которая обладает своей иерархией ценностей и понятий, имён и мифов» [12, с. 18]. Именно репрезентация Г. Вёльфлиным истории искусства как дисциплины, занимающейся изучением формообразования, позволила Прусской академии наук в Берлине в начале XX в. объявить её академической дисциплиной. Г. Вёльфлин видел в сравнительном и детальном анализе форм отдельных видов искусства возможность выделения общих приёмов формообразования и изучения искусства как суммы национальных художественных школ и стилей. Н. Н. Щекатихину в переводах и немецких оригиналах должны были быть известны труды Г. Вёльфлина «Ренессанс и барокко: исследование природы и происхождения стиля барокко в Италии» (1888 г., на русском языке – в 1913 г.); «Истолкование искусства» (на русском языке – 1922 г.); «Классическое искусство. Введение в изучение итальянского Возрождения» (1899 г., на русском языке – 1912 г.). Но, скорее всего, такой важный труд Г. Вёльфлина, как «Основные понятия истории искусства:

проблема развития стиля в новом искусстве» (1915 г., в русском переводе – 1930 г.), был ему ещё не доступен.

Н. Н. Щекатихин начал излагать свою концепцию белорусского искусства с «находок курганной эпохи», в завершении он перечислил организации которые занимались в Беларуси изучением искусства, и выставки современного искусства, не пробуя анализировать и систематизировать современный ему художественный процесс. Ограничение выглядит как редакционное сокращение, в современных энциклопедиях также избегают касаться вопросов, не проверенных временем.

Статья о белорусском искусстве начинается с определения белорусского как пограничного и контекстного. Учёный считал, что предметы в курганах, наиболее древние белорусские артефакты, имеют «соединённое воздействие восточных и западных форм», «наряду со скандинавскими, позднеримскими и центральноевропейскими предметами в обилии встречаются украшения восточные (приволжские, персидские, сирийские)», что определялось, по его мнению, «географическим положением Белоруссии на скрещении водных путей, соединявших Запад с Востоком» [11, с. 416].

Влияние культуры Византии в Беларуси, по мнению Н. Н. Щекатихина, было «довольно ограниченно до самого конца 11 в.» [11, с. 416]. Такая хронологическая сдержанность обращения к достижениям великой византийской цивилизации, стоявшей в центре всех культурных процессов восточных и европейских территорий с VI в., требовала бы значительных пояснений и уточнений, но Н. Н. Щекатихин ограничился констатацией данного факта. Это могло означать для него продолженную восточноевропейскую эпоху «darkages» – тёмных веков или же существование особого славянского мира до конца XI в. Эту тему учёный не развивает, возможно, потому, что до конца XX в. существовал негласный запрет на изучение византийских влияний в российском древнем искусстве.

Появление византийских форм, по мнению Н. Н. Щекатихина, относится к концу XI – началу XII в. и «связано с первыми шагами каменного строительства» [11, с. 416]. Об аналитике архитектурных форм я говорить не буду, сразу перейду к трактовке Н. Н. Щекатихиным истории живописных форм.

Он начинает с анализа монументальных фресковых росписей XII в. в храмах Полоцка и Смоленска. Их стилистика, по мнению Н. Н. Щекатихина, занимает промежуточное место между киевскими и новгородскими фресками, «с некоторым уклоном в сторону западноевропейских форм в отдельных

орнаментальных деталях» [11, с. 418]. Это важное замечание, потому что Н. Н. Щекатихин изучал фрески бельчицких храмов в Полоцке, исчезнувшие после Второй мировой войны. Кроме того, данное замечание точно определяет формальные особенности креста Евфросинии Полоцкой 1161 г. Крест как раз свидетельствует о влиянии и слиянии в его стилистике киевской и новгородской художественных традиций [7]. Что касается росписей Полоцкого Спасо-Евфросиньевского храма, то во времена Н. Н. Щекатихина фрески ещё находились под записями, и как стало ясно реставраторам уже в наше время, в храме работали византийские константинопольские мастера с местными учениками, так что уточнение формально-стилистических особенностей этого памятника ещё впереди [8].

«Элементы уже определившейся белорусской школы» Н. Н. Щекатихин видел в ряде фресковых росписей XIV – XV вв. в Krakowе, Саномире, Люблине. При этом он ссылался на труд профессора Ягеллонского университета Марьяна Соколовского (1839 – 1911), основателя кафедры истории искусств в Krakowе [2]. Статья 1907 г. М. Соколовского так и называлась «Два готицизма: виленский и краковский». Со ссылкой на Я. Длugoша, М. Бельского, М. Кромера, другие документы эпохи короля Владислава Ягеллы Н. Н. Щекатихин считал, что мастера из Вильно привезли в Польшу «готовые живописные приёмы» [11, с. 418]. О формальных отличиях исследователь писал так: «...элементы самостоятельного направления в живописи, хотя и построенного на основе византийских канонов, но более свободного и натуралистического в трактовке тем даже в тех случаях, когда художнику приходилось разрабатывать традиционные церковные сюжеты» [11, с. 418].

Росписей барокко Н. Н. Щекатихин в энциклопедической статье не касался. Они находились, видимо, в уже закрытых и недоступных храмах, кроме того, это была слишком сложная тема для формального анализа, требующая перехода на определённые культурологические и иконологические методы. Хотя при анализе архитектуры Верхнего города (рынка) в Минске учёный точно характеризовал живописный пластический строй барочной архитектуры¹.

Но работа над выделением в белорусском искусстве художественных школ в иконописании, скульптуре, графике, прикладном искусстве

¹Это замечание сделал профессор И. Н. Духан во время обсуждения данной статьи на круглом столе, посвящённом юбилею Н. Н. Щекатихина и проходившем 4 ноября 2021 г. в Центре исследований белорусской культуры, языка, литературы НАН Беларуси.

Н. Н. Щекатихиным была продолжена. Подобного рода разработки с выделением художественных школ появятся в польской истории искусства не ранее 1935 г. (М. Мореловский, П. Богдевич, В. Татаркевич). Н. Н. Щекатихин в 1923 – 1930 гг. работал только с художественными центрами на территории Восточной Беларуси и в рамках XVII – XVIII вв. Такими средоточиями иконописного дела, по мнению ученого, стали крупные города, в особенности Витебск, Слуцк и Могилёв, где «существовали по всей вероятности специальные малярские цехи, по образцу городов Западной Европы, с которыми белорусские торговые и культурные центры поддерживали самые разнообразные связи» [11, с. 418]. Это было инспирирующим выводом Н. Н. Щекатихина, потому что в русской исторической науке цехи считались (и считаются) тормозом на пути развития как мануфактур, так и искусства, хотя по сути, они в России начали формироваться только в XVIII в. и до конца не завершили своё становление. Но русские учёные по аналогии с процессом русской истории негативно понимали(ют) роль цехов в культуре Беларуси и России XVI–XVIII вв. [3, с. 332 – 363].

Н. Н. Щекатихин в белорусской иконописи отметил такую важную черту стилистики, как «решительный отказ» от византийских прототипов, частное приближение к западноевропейским школам, постепенное освобождение от традиционных иконных приёмов, уклон в сторону живописного натурализма или декоративной стилизации, общность с направлениями и приёмами немецкой живописи XVI в. Последний вывод, например, подтверждает технико-технологическое исследование виленского образа Богоматери Остробрамской, выполненной в живописной манере немецкой художественной школы первой половины XVII в. [1].

В XVII – XVIII вв. Н. Н. Щекатихин видел связь белорусской иконописи с украинской, но резкое отличие от иконописных принципов России и Польши [11, с. 418]. Прекрасный знаток западноевропейской графики, Н. Н. Щекатихин предполагал наличие тесной связи иконописи с графическими прототипами. Эта тема до сих пор в белорусском искусствознании рассмотрена очень фрагментарно, не хватает сравнительного материала, хотя Н. Трифонова и Л. Киреева издали солидный каталог лицевых гравюр из книг, хранящихся в Национальной библиотеке Беларуси и Национальном художественном музее Беларуси [4].

Н. Н. Щекатихин в энциклопедической статье обозначил стилистику двух важных на его взгляд видов белорусской скульптурной и декоративной резьбы. Его острый взгляд увидел в белорусской декоративной резьбе XVII в.

соединение в орнаментике форм Ренессанса и барокко, причём данная резьба «любопытна богатством и разнообразием орнаментальных форм преимущественно растительного характера» [11, с. 419], с самостоятельной композиционной обработкой местными белорусскими мастерами. Основополагающая характеристика стилистики белорусской пластики в сравнении с западноевропейской, по мнению Н. Н. Щекатихина, заключается в живописности, отказе от принципов «скulptурной монументальности в пользу живописной подвижности и естественности, которую ещё больше подчёркивала “натуралистическая полихромия”». Н. Н. Щекатихину удалось коротко, но очень глубоко представить существенную характеристику «белорусской рези» – явления, ставшего переломным в русском искусстве второй половины XVII в., когда белорусские мастера стали работать в храмах Московского Кремля при царе Алексее Михайловиче и в Ново-Иерусалимском, Валдайском монастырях патриарха Никона.

Более всего темперамент исследователя и его точное, тонкое видение произведений проявились в характеристике белорусской графики. Изучение живого и яркого материала гравюры стало для Н. Н. Щекатихина возможностью связать белорусскую графику с ренессансной культурой Западной Европы. Главной энigmатичной фигурой в этом исследовании явился Франциск Скорина. Его издания указывали, по мнению Н. Н. Щекатихина, на «Западную Европу, в частности на Германию и Италию, и особенно Чехию. История же развития графики в Беларуси способствовала появлению гравёрных школ в Вильно, Супрасле, Могилёве». В этой связи учёный снова подчеркнул, что развитие гравюры оказало известное влияние на церковную живопись и было «одним из проводников западноевропейских художественных форм в белорусском искусстве» [11, с. 420].

В истории прикладного искусства Н. Н. Щекатихин выделил ювелирное, «находившееся в руках специальных цехов, среди которых наиболее известны виленский и могилёвский» [11, с. 420]. И снова – западноевропейский и белорусский вариант развития искусства в рамках цеховых организаций, о значении которых пишут современные специалисты по декоративно-прикладному искусству XVI – XVIII вв.

Своебразным концом белорусского искусства, поскольку «замирает самостоятельная художественная жизнь Беларуси» [11, с. 419 – 420], Н. Н. Щекатихин, ориентированный на классическое искусство и академическое искусствоведение, посчитал наступление «влияния русификаторской политики после присоединения Белоруссии к России» [11,

с. 419 – 420]. А между тем, в конце XVIII в., когда завершились разделы Речи Посполитой и территории Беларуси стала окраинными землями Российской империи, в странах Западной и Восточной Европы также начался процесс заката классической аристократической культуры. Но на белорусских землях он совпал с процессом разделов Речи Посполитой. Учёные историки искусства академической выучки, как и Н. Н. Щекатихин, эту ситуацию расценили трагически, назвали временем заката европейской высокой культуры. Но белорусский учёный заменил анализ особенностей развития художественной культуры показом её со стороны социально-политических изменений. В XIX в. началось формирование нового типа народно-демократической культуры, со стилистическими формами романтизма, реализма, классицизма и псевдостилей самого широкого спектра условностей. Окончательный закат Европы, то есть идея европоцентризма, пришёлся на конец XIX – начало XX в., о чём написал О. Шпенглер в книге «Закат Европы» [10].

Статья Н. Н. Щекатихина занимает пять страниц в Большой советской энциклопедии, но, учитывая условия её написания, следует отметить чёткость методологической позиции исследователя, направленной на выявление особенностей формообразования аутентичных памятников белорусского искусства. При этом Н. Н. Щекатихин не обращался к непосредственной работе с архивными источниками, что стало возможным на современном этапе развития белорусской истории искусств. Методика его работы требовала острого художественного взгляда и глубокого знания оригиналов западноевропейского и восточного искусства, что он прекрасно продемонстрировал, утвердив принципы академической школы и классического искусствоведения в белорусской науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kałamajska-Saeed, M. Ostra brama w Wilnie / M. Kałamajska-Saeed. – Warszawa : PWN, 1990. – 283 s.
2. Kunińska, M. Historia sztuki Mariana Sokołowskiego / M. Kunińska. – Kraków : Tow-wo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2014. – 316 s.
3. Виткаускене, Б. Золотых и серебряных дел мастера / Б. Виткаускене // Белорусы Москвы. XVII век : книга-альбом / сост.: О. Д. Баженова, Т. В. Белова. – Минск : БелЭн, 2013. – 399 с.

4. Книги кирилловского шрифта XVI – начала XX в. в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь : альбом-каталог / Г. В. Киреева, Н. Я. Трифонова. – Минск : Белпринт, 2012. – 167 с.
5. Ліс, А. Мікола Шчакаціхін / А. Ліс. –Мінск :Навука і тэхніка, 1968. – 164 с.
6. Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна. 1896 – 1940. – Мінск : [б. в.], 1996. – 118 с.
7. Пуцко, В. Г. Крыж Еўфрасінъні Полацкай і ўзвіжальная крыжы XII – XIII стст. / В. Г. Пуцко // Полацак. – 1992. – № 4. – С. 12 – 17.
8. Сарабьянинов, Д. В. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и её фрески / Д. В. Сарабьянинов. – М. : Северный паломник, 2009. – 225 с.
9. Чэбан, І. Шчакаціхін Мікалай Мікалаевіч / І. Чэбан // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 2003.– Т. 6, кн. 2. – С. 238 – 239.
10. Тавризян, Г. О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры / Г. Тавризян. – М.: Искусство, 1989. – 269 с.
11. Щекатихин, Н. Н. Белорусское искусство / Н. Н. Щекатихин // Большая советская энциклопедия. – М., 1927 (1930). – Т. 5.– С. 416 – 421.
12. Якимович, А. К. Генрих Вёльфлин и другие. О классическом искусствознании неклассического века / А. К. Якимович // Ренессанс и барокко. Исследование сущности и становления стиля барокко в Италии / Г. Вёльфлин. – СПб., 2004. – С. 9 – 47.

Усова Н. М.

**ОБ ИСТОРИИ ОДНОГО НЕЗАВЕРШЁННОГО ПРОЕКТА. ИЗДАНИЕ
РУКОПИСЕЙ «ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛИТОВСКОЙ МОНЕТЫ XVI – XVII
СТОЛЕТИЙ» И «ТОПОГРАФИЯ КЛАДОВ С ЛИТОВСКИМИ
МОНЕТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕГО ЛИТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВА» Н. Н. ЩЕКАТИХИНА**

В 2001 г. отмечалось 125-летие со дня рождения выдающегося белорусского искусствоведа Николая Николаевича Щекатихина. В 1996 г., когда вся культурная интеллигенция Беларуси отмечала 100-летний юбилей учёного, было сделано много для сохранения его памяти: в Национальном художественном музее Беларуси прошла выставка произведений древнебелорусского искусства¹, о которых писал Николай Николаевич в своих трудах, в 1993 г. переиздан первый том его «Нарысаў з гісторыі беларускага мастацтва» [1], вышедший в Минске в 1928 г. В 1996 г. по инициативе Юрия Александровича Карабуна были собраны, подготовлены и изданы «Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна» [2].

Автором концепции выставки памяти Н. Н. Щекатихина и инициатором издания сборника статей выступила доктор искусствоведения Надежда Фёдоровна Высоцкая, тогда заведующая отделом древнебелорусского искусства музея. Сборник включил в себя уточнённую биографию учёного, каталог выставки его памяти, тезисы докладов 26 научных сотрудников и исследователей, выступивших на научных чтениях, воспоминания дочери Н. Н. Щекатихина, Елены Николаевны, семейные фотографии, редкие документы из его архива. Составителем книги и ответственной за её выход была сотрудник отдела Ирина Леонидовна Чебан. Директор музея Ю. А. Карабун поддержал её инициативу поездки в командировку в Башкирию, в Белебей, на место ссылки и смерти Н. Н. Щекатихина. И. Л. Чебан опросила старожилов и сфотографировала уцелевший дом, где жил исследователь, а также предполагаемое место его захоронения на местном кладбище, сняла фильм о своей поездке, чтобы привезти его в подарок родственникам. Горсть земли с предполагаемого места захоронения И. Л. Чебан привезла в Беларусь для символической могилы Н. Н. Щекатихина в Молодечно, где жила его семья. В архиве Национального художественного

¹Выставка «Искусство Беларуси XVI – XVIII стст. Найдены Н. Н. Щекатихина» прошла в музее с 30 сентября по 21 октября 1996 г., куратор – Н. Ф. Высоцкая.

музея сохранились некоторые документы, касающиеся Н. Н. Щекатихина и истории попыток издания его рукописей, посвящённых бытованию и топографии находок кладов так называемой «литовской монеты», то есть денежного обращения XVI – XVII вв. на территории Великого княжества Литовского. Попытки публикации этих рукописей, принадлежащих Государственному Эрмитажу, предпринимались неоднократно.

Как следует из записки заведующего отделом нумизматики Виталия Александровича Калинина на имя Г. В. Вилинбахова, заместителя директора по научной работе Государственного Эрмитажа от 6 июля 2006 г. [3], в том же 1996 г. Национальный художественный музей в лице директора Ю. А. Каракуна обратился с просьбой об издании рукописей Н. Н. Щекатихина к 100-летию со дня рождения под редакцией В. Н. Рябцевича. Из-за финансовых затруднений эта работа не была начата. Ещё ранее, в 1980-е годы, по воспоминаниям выпускника БГУ, ученика В. Н. Рябцевича нумизматы И. И. Синчука, он обращался в Белорусский фонд культуры с предложением об издании трудов Н. Н. Щекатихина, но безуспешно.

В 2006 г. с повторной инициативой издания трудов Н. Н. Щекатихина выступил крупнейший в Беларуси нумизмат Валентин Наумович Рябцевич (1934 – 2008), доктор исторических наук, профессор исторического факультета БГУ. Работы Валентина Наумовича широко известны на территории СНГ. Сегодня его книги по нумизматике стали хрестоматийными, а исторический факультет БГУ в память о своём выдающемся профессоре на регулярной основе проводит научные чтения его памяти. Те студенты, у которых читал нумизматику Валентин Наумович, вспоминают его захватывающие лекции, где профессор рассказывал о куфическом дирхеме и других монетах, щедро приправляя свои рассказы цитатами из Ильфа и Петрова.

Я оказалась невольным свидетелем возобновления этой инициативы, о которой, пожалуй, знает только ограниченный круг музеиных сотрудников. Зайдя на открытие выставки в художественный музей к Владимиру Ивановичу Прокопцову, В. Н. Рябцевич вновь поднял вопрос о совместном проекте с Эрмитажем издания рукописей Н. Н. Щекатихина под условным названием «Литовская монета». Точнее, трёх рукописей – «Очерк истории литовской монеты XVI – XVII столетий» (391 страница), «Некоторые варианты литовских монет» (1936 г., 40 страниц) и «Топография кладов с литовскими монетами на территории древнего Литовского государства» (265 страниц). Валентин Наумович рассказал трудную историю этих научных изысканий,

написанных учёным в башкирской ссылке, куда он был отправлен по ложному доносу в 1930 г. В небольшом городке Белебеев Н. Н. Щекатихин работал счетоводом, плановиком, затем преподавателем русского и немецкого языков. После окончания срока ссылка была продлена ещё на 5 лет. В 1938 г. он переехал в деревню Кальтовка Иглинского района в 300 км от Белебея, где работал учителем. Первые годы ссылки учёный перенёс относительно легко, с полной отдачей работая над описанием кладов, найденных на территории ВКЛ (все материалы и книги привезла жена, приехавшая к нему в ссылку в 1932 г.). «Я чувствую себя словно заново рождённым, словно впервые в жизни радуюсь богатству воздуха, света и солнца», – писал он жене. Второй срок проходил значительно психологически сложнее: учёный постепенно терял надежду на реализацию своих научных планов. К тому же он заболел туберкулёзом, болезнь прогрессировала. Он стремился издать свой труд, но безуспешно. В 1936 г. Н. Н. Щекатихин переписывал рукописи «Топография кладов с литовскими монетами» и «Некоторые варианты литовских монет» четыре раза от руки, отрывая время от сна и отдыха, рассыпая в различные научные организации и университеты Москвы, Ленинграда и Киева, надеясь издать их и защитить кандидатскую диссертацию [4, л. 1], получить должность научного сотрудника и заниматься любимым делом. Единственный отзыв был получен из Эрмитажа в конце 1937 г¹. Работу прочитали специалисты Эрмитажа А. А. Ильин и М. П. Бауэр², и Н. Н. Щекатихин получил на неё в целом положительную, «лестную рецензию», как выразился он сам. Приводим её полностью:

«Рецензируемая работа несомненно представляет собой очень ценный вклад в историю денежного обращения западно-русских земель. Автор задался целью проследить роль литовской чеканки в обращении родной страны по данным, вытекающим из знакомства с дошедшими до нас кладами, начиная с 11 до начала 18 века. При этом им разрабатывается материал недавнего послереволюционного времени, который до него ещё никем не был настоящим образом обработан и использован. Делает это автор очень

¹Архив семьи.

²Николай Павлович Бауэр (Бауэр) (04.09.1888, Санкт-Петербург – 18.09.1942, Ленинград) – советский учёный, историк, исследователь. Один из выдающихся российских нумизматов XX в. В отделе нумизматики Эрмитажа Н. П. Бауэр проработал 18 лет – до августа 1938 г. В 1930 – 1935 гг. исполнял обязанности заведующего Отделом нумизматики, в 1935 – 1938 гг. числился действительным членом и профессором Государственного Эрмитажа. 22.08.1938 г. был уволен из Эрмитажа. Поводом послужило его кратковременное членство в конституционно-демократической партии.

вдумчиво и осторожно, никоим образом не увлекаясь кладовыми данными и не старайся вовсе придавать этим данным большого значения, которое они по существу своему могут иметь. Такие самоограничения в разработке данных кладов, на наш взгляд, могут иметь значение не только для данной темы, но могут служить примером и для сходных исследований в области денежного обращения на основании недавнего кладового материала. Параллельно с этим автор не чужд и историческим документальным источникам, что особенно ценно при описании денежного обращения нового времени... Надо признать, что автор проявляет в своей работе то критическое чутье в отношении обрабатываемого им материала, которое одно только может помочь в продвижении наших знаний о прошлом. Труд Щекатихина с точки зрения нумизматики заслуживает быть полностью напечатанным в трудах Эрмитажа, если бы оказалось возможным осуществить издание серии работ подобного содержания... Переходя далее к критическим замечаниям по поводу “для кладов с литовскими монетами”, с самого начала необходимо отметить, что все недочёты, которые имеются в данном труде с точки зрения настоящей рецензии, не коренятся в отношении автора к своему материалу, или в обработке его, а лишь в незнакомстве автора с источниками, хранящимися в других музеях, главным образом в Эрмитаже, и кое с какой новейшей литературой. Рецензенты полагают, что и архив бывшей археологической комиссии в Ленинграде остался недоступным для автора несмотря на то, что он в некоторой части цитирует дела этого архива во второй документальной части своей работы. Как известно, в делах иногда встречались в рукописном виде гораздо более подробные сведения, чем таковые попадали в отчёты и извлечения Комиссии. Ввиду этого даже не очень продолжительное пребывание в Ленинграде могло бы помочь автору исправить и пополнить многое в своей работе. Первое, на чём бы хотелось остановиться, это на наименовании самой работы. Сохранить за ней наименование топографии – это значило бы обеднить её содержание и не дать верного представления об этом труде. На самом же деле автором предлагается история литовской нумизматики на основании дошедших до нас кладов.

Второе замечание касается обозначения границ древнего литовского государства. Территория эта достаточно часто менялась, желательно было бы обозначение более точное и ясное его границ, лучше всего, конечно, на основании физико-географической карты, а не административных делений. В связи с этим хорошо было бы к работе приложить карту, в

основании своём менее случайную. Рецензенты вполне осознают осуществление такого задания вне солидных (?) центров, однако считают себя обязанными не скрывать от автора свои сомнения на этом счёте. То же относится и к путанице географических делений то по административному делению русской империи, то по делению республик Союза на регионы и округа. Необходимость унификации не подлежит никакому сомнению и ввиду отмеченных разнобоев, которые отмечаются при выборе по административному признаку, лучше всего остановиться на признаке географическом, по рекам, что осуществимо, конечно, при помощи консультации Списка населённых мест и 10-вёрстной карты Северо-Западного края. Подвергая далее разбору “топографию”, рецензенты считают для себя удобным говорить о тех частях работы, на которые она по существу и распадается. О главах, посвящённых слиткам, средневековому литовскому чекану XIV века и, наконец, обращению литовских монет в новое время. Эти разделы имеют самостоятельное значение, и их возможно даже рассматривать как совершенно самостоятельные исследования.

Первую главу приходится признать наименее удачной и, на взгляд рецензентов, уже устаревшей сравнительно с имеющейся на этом счёте литературой. Виной тому служит незнакомство автора с коллекцией слитков Г. Эрмитажа и Исторического музея в Москве и с работой Н. П. Бауэра “*Die Silber-Goldbarren des russischen Mittelalters. Eine archäologische Studie / Numismatische Zeitschrift. Bd. 62*” (Вена, 1929 и 1931 года)¹ из-за имеющихся у автора сведений о находках, конечно, не в состоянии получить достаточно ясного представления о слитковом обращении: сперва слитков...неотделённого(?) формы в 11 веке, затем об обращении слитков новгородских и русских, которые необходимо связать с торговлей по Западной Двине, со Смоленском и Полоцком. Поэтому глава эта является тщетным и в существе своём довольно бесплодным усилием по отчасти фантастическим и в большинстве своём отчасти малоудовлетворительным данным о находках слитков в пределах Древней Литвы воспроизвести картину обращения весового серебра в вышеназванной стране. В то же время при его вдумчивом отношении к материалу он мог бы, ознакомившись с неизвестными ему собраниями и книгой (разработка русского письменного материала для 13 и 14 века хотя и сдана в печать, но всё же ещё не опубликована), дать интереснейшую тему о русском рубле на основании

¹Bauer, N. Die Silber-Goldbarren des russischen Mittelalters. Eine archäologische Studie / N. Bauer // Numismatische Zeitschrift. – Bd. 62. – Wien, 1929; Bd. 64.

своего хорошего знакомства с польской литературой и польскими сборниками документов. 2 часть является с точки зрения нумизматической более интересной. Автор совершенно правильно исходит из критики взглядов книги выдающегося польского нумизмата Гумовского о средневековой литовской монете. И он, на наш взгляд, приходит к очень интересным и ценным результатам, совершенно правильно указывая не раз на патриотические увлечения польского учёного, желающего свести первоначальный литовский чекан(?) к какому-то спутнику польской монеты, в то время как этого на самом деле не было и даже не могло быть. Однако рецензенты полагают, что и автор недооценил значение русской метрологии того времени и не связал с нею в достаточной мере литовского чекана. Вряд ли он вообще искал разъяснений в этом направлении, так как у него ни разу не упомянуты работы ... (неразборчиво.— Н. У.) и Орешникова. Остались ему неизвестными *di vuri* работы Кумбурга Вельчедовича “Романа Брянского”, хранящиеся в Эрмитаже, как и равным образом знакомы ему в слишком малых качествах монеты Владимира Ольгердовича Киевского, которые могли бы ему в метрологическом отношении оказать большую услугу. А ведь в 20-х годах текущего столетия был найден клад, состоящий из большого количества последних (?) (550 экз.). Краткие сведения о нём опубликованы в Списке 1 Фасмера, помещённом в “Сообщениях ГА ИМК” под № 30. В рукописных изданиях секции нумизматики имеется обстоятельный доклад, касающийся этого клада. Протоколы ныне хранятся в ИИМК-е при Ленинградском отделении Академии наук СССР. Может быть, некоторую службу сослужила бы и книга Сиверса “Топография кладов с иранскими границами”?, не упоминаемая автором (Петербург, 1922 год). В связи с этим становится не совсем ясным, о каких шлягах говорит автор, когда он считает их 1/3 гроша. Он, очевидно, имеет в виду чекан Тевтонского ордена того времени. Во всяком случае, никоим образом не следует упоминать о летописном шляге 11 века, так как кроме словесной формы у него ничего не было с монетами Северной Германии 14 века, откуда было передано это обозначение для монеты поляками. Равным образом рецензенты не могут согласиться с автором, что цифарная форма не встречается после византийского чекана. В Германии геллеры и пфенниги ??? повсеместно чеканились именно такими выпукло-вогнутыми кружочками. Надо считать, что приём автора опирается в датировке кладов на дурную имеющуюся сохранность монет, не найденных им самим, а названных таковыми в сообщениях о кладах. Полустёртости весьма относительны, особенно когда

речь идёт о столь примитивных чеканах, как средневековый чекан литовских монет. Можно долго спорить о том, стёрто ли изображение или же оно вышло вследствие неправильной постановки верного штампа, что наблюдается повсеместно. Конечно, важно... ских граней указания нестёртости обладает значением объективного признака. И всё же ни к каким средневековым, да и пожалуй, более поздним монетам 19 века нельзя с уверенностью применить наблюдения, имеющие характер аксиомы. При незначительных повседневных оборотах в 14 веке монеты большие лежали в кошельке и стирались гораздо медленнее, чем в течение 10-15 лет. Замечание автора насчёт Новгородской летописи о литовских грошиах в 1410 г. вряд ли правильно. Летописец, конечно, имел в виду пражские гроши, валюту литовскую 14 и 15 веков следовало бы равным образом не обходить вовсе молчанием.

О 3 части “Топографии” мало что остается сказать, так как материал вполне свежий, а подход к нему автора, как было отмечено вначале, достоин всяческого поощрения и подражания. Остаётся только пожелать, чтобы и впредь не проходили мимо этих кладов, как это удалось до столь удачной попытки автора освоить 4 новых клада, зарытых в Новое время.

Н. Н. Щекатихин. Некоторые варианты литовских монет. 1436 г.

Об этой работе особо много не приходится говорить, как только то, что она выполнена с той же тщательностью, как и предыдущая нами рецензируемая работа. Описание всяких монет имеет всегда успех, если не теперь, то после её опубликования других подобных собраний. Заглавие её вызывает, однако, возражение. Вариант сам по себе существовать не может. Он должен быть вариантом чего-нибудь другого. И думается, в данном случае можно смело сказать, что имеется в виду собрание Гуттен-Чапского, на что и следовало указать в самом заглавии.

Подпись. Баэр. Приписка: Читал Алексею Алексеевичу¹, и он одобрил».

¹Алексей Алексеевич Ильин (1857 – 1942) – русский государственный деятель, историк, нумизмат, картограф, член-корреспондент Академии наук СССР (1928). С 1918 г. – руководитель секции нумизматики Академии истории материальной культуры, затем сотрудник отдела нумизматики Государственного Эрмитажа (1920 – 1940-е гг., до 1930 г. заведующий), куда передал свою коллекцию русских монет. Автор научных трудов: «Русские монеты, чеканенные с 1801 г. по 1904 г.», «Русские монеты, чеканенные с 1725 г. по 1801 г.», «Русские монеты. Медная монета с 1700 г. по 1725 г.», «Топография кладов серебряных и золотых слитков», «Топография кладов древних русских монет 10 и 11 вв. и монет удельного периода», «Классификация русских удельных монет» (1901 – 1940).

Отзыв крупных учёных вдохновил Н. Н. Щекатихина: «Кажется, что может быть лучше? Прекрасный отзыв... но я не имею от него ничего, кроме морального удовлетворения ... Вся беда в этих “бы” и “если бы”». В 1939 г. он написал письмо бывшему ректору БГУ В.И. Пичету¹, работавшему тогда в Москве, с мольбой походить на него о переводе в любое научное учреждение: «Я не мечтаю сейчас ни о чем большом, не стремлюсь в крупные центры, меня удовлетворила бы самая маленькая, самая скромная научная работа где-нибудь в провинции, готов хоть вновь начинать научную работу с ассистента, как 17 лет назад, лишь бы только опять иметь возможность всецело отдаваться любимому научному труду. Мне только 42 года, хотя организм мой ослаблен болезнью, мне осталось не так долго жить, но я ещё чувствую в себе творческие силы. С какой радостью отдал бы я свои последние годы любимой науке...!» [2, с. 51].

В марте 1940 г. рукописи вместе с коллекцией экслибрисов и сфрагистикой Н. Н. Щекатихин передал в библиотеку нумизматического отдела Государственного Эрмитажа. В архиве семьи сохранился и акт о приёмке вещей на экспертизу Государственного Эрмитажа № 172 от 30 марта 1940 г. с целью последующего приобретения с перечислением переданного в Эрмитаж. В этом акте указаны рукопись «Очерк истории литовской монеты XVI – XVII столетий» (391 страница), 52 печати – из топаза в оправе с бирюзой, 17 – на камнях, 33 медных и железных, 77 оттисков на бумаге, 131 гербовый экслибрис, оценённый в 655 рублей. Учёный секретарь Эрмитажа Л. Л. Раков в письме от 30 марта 1940 г. благодарил за посылку и писал, что Эрмитаж «будет просить специалистов отдела ознакомиться с рукописью Вашего труда и дать отзыв, что потребует, конечно, некоторого

¹Владимир Иванович Пичета (1878, Полтава, – 1947, Москва) – русский и советский историк-славист, первый ректор Белорусского государственного университета(июль 1921 г. – октябрь 1929 г.), заслуженный профессор БССР(1926), академик АН БССРc 1928 г. Арестован в 1930 г. по «академическому делу», лишен звания академика. Осужден к высылке в город Вятку сроком на пять лет. В 1934 г. В. И. Пичету перевели в Воронеж, где он работал профессором Воронежского педагогического института. В 1935 г. учёный был освобождён досрочно и возобновил научно-преподавательскую деятельность. В 1935 – 1940 гг. преподавал на рабфаке Института хлебопекарной промышленности им. В. И. Ленина в Москве, с 1937 г. – старшим научным сотрудником в Институте истории АН СССР, с 1938 г. – профессором Московского педагогического института им. В. И. Ленина и МГУ. В 1939 г. по его инициативе были организованы сектор славяноведения Института истории АН СССР и кафедра истории южных и западных славян МГУ. В 1940 г. восстановлен в звании академика АН БССР.

времени» [5]. Отзыв не понадобился: Николай Николаевич Щекатихин умер через несколько дней, 5 апреля 1940 г.

Преждевременная смерть автора «Литовской монеты» от туберкулёза в 1940 г. и затем – начало войны, гибель в 1942 г. в блокадном Ленинграде двух благосклонных к автору рецензентов – Н. П. Бауэра и А. А. Ильина¹ – надолго остановили научный интерес к ней.

В 1959 г., спустя три года после реабилитации Н. Н. Щекатихина, В. Н. Рябцевич, готовя кандидатскую диссертацию, ознакомился с работой Н. Н. Щекатихина, когда был зачислен в аспирантуру Эрмитажа под руководством выдающегося российского исследователя И. Г. Спасского², с которым впоследствии на протяжении 25 лет вёл оживлённую переписку. В. Н. Рябцевич стал любимым учеником И. Г. Спасского, был связан с ним не только научной деятельностью, но и жизненными обстоятельствами.

В 1964 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР В. Н. Рябцевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Топография монетных кладов Белоруссии», подготовленную и апробированную в стенах Эрмитажа. На протяжении многих лет В. Н. Рябцевич был «своим человеком» в Эрмитаже и поэтому имел основания считать, что вопрос о получении копий рукописей Н. Н. Щекатихина будет согласован достаточно быстро.

В начале 2000-х годов Владимир Иванович Прокопцов, как директор художественного музея, был увлечён амбициозной задачей закупки коллекции монет ВКЛ для филиала музея Мирского замка и в связи с этим – публикацией рукописей Н. Н. Щекатихина, тем более что предполагалось возобновление договора между белорусским музеем и Эрмитажем о сотрудничестве. 11 сентября 2006 г. В. Н. Рябцевич стал научным консультантом музея в сборе нумизматической коллекции. В его задачи входило практическое осуществление грандиозного издательского проекта под эгидой музея.

25 июля 2007 г. между Государственным Эрмитажем и Национальным художественным музеем Беларусь был заключён договор о намерениях, подписанный в Санкт-Петербурге директорами обоих музеев М. Б. Пиотровским и В. И. Прокопцовым. В 2008 г. заведующая отделом

¹Н. П. Бауэр в стадии дистрофии был расстрелян в блокадном Ленинграде «за пораженные настроения», А. А. Ильин умер там же от тифа.

²Иван Георгиевич Спасский (1904 – 1990) – советский учёный-историк, ведущий специалист по русской нумизматике, главный хранитель Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, основоположник советской (российской, через своих учеников также украинской и белорусской) научной нумизматической школы.

древнебелорусского искусства Е. В. Карпенко отправилась в командировку в Эрмитаж, где ей вручили ксерокопии почти 700 страниц рукописи. Это были 6 общих тетрадей по 48 листов и текст Н. Н. Щекатихина, изданный в «Журнале немецкого, русского языка и литературы».

Предполагалось, что издание будет сопровождаться комментариями, подготовленными квалифицированными специалистами, в том числе сотрудниками Государственного Эрмитажа. Текст этих рукописей (почерк Н. Н. Щекатихина был чёткий, разборчивый), вернее их ксерокопированных копий, на основе договорённости с отделом нумизматики Эрмитажа был прочитан Валентином Наумовичем и набран на компьютере специально выделенным для этой цели сотрудником – Натальей Балабанович. Работа продолжалась почти полтора года. Н. Н. Щекатихин не считал нужным переводить целые куски цитат по-латыни и по-польски, считая само собой разумеющимся, что исследователям нумизматики этого региона такой перевод не нужен. Современный читатель не столь образован, и перевод этих фрагментов составлял дополнительную трудность, в особенности латинских текстов, ради перевода которых предполагалось обратиться к университетскому преподавателю латыни.

В. Н. Рябцевич едва начал работу по составлению научных комментариев с позиций современной исторической науки и нумизматики, но не смог завершить этот масштабный труд: в мае 2008 г. учёный умер. Он ещё застал открытие памятной доски Н. Н. Щекатихину в апреле 2008 г. работы скульптора Константина Селиханова на доме «красной профессуры» БГУ по улице Университетской (ныне – Кирова), где жила семья Н. Н. Щекатихина в 1920-е годы. Инициатором создания и установки этой доски выступил директор Национального художественного музея Владимир Иванович Прокопцов на основе решения Мингорсовета от 14 сентября 2006 г. и личной заинтересованности тогдашнего мэра Минска М. Я. Павлова.

Встал вопрос о дальнейшей судьбе проекта. Редколлегия обратилась к сестре В. Н. Рябцевича Ирине Наумовне Колобовой, тоже выдающемуся нумизмату, кандидату исторических наук, преподавателю БГУ. Она понимала всю серьёзность и масштаб этой работы, которая потребует большого количества времени, и отказалась. Эстафету подхватил ученик В. Н. Рябцевича, археолог и нумизмат И. И. Синчук, выпускник БГУ.

Иван Иванович Синчук был принят в штат Национального художественного музея 3 декабря 2008 г. для систематизации археологической коллекции мирской кафельной плитки и окончания этого проекта. В том же

году И. И. Синчук опубликовал статью «Щекатихин Н. Н. и его творческое нумизматическое наследие» [6]. После смерти В. Н. Рябцевича работа продолжалась эпизодически с 2008 по 2014 гг., прерываясь заботами по созданию экспозиций филиала Национального художественного музея – Мирского замка, открытого для посетителей в декабре 2010 г. Однако тема Н. Н. Щекатихина не была забыта. В 2008 г. подписан двусторонний договор на издание книги тиражом 500 экземпляров за счёт белорусской стороны с предоставлением части тиража Эрмитажу. По этому договору Национальный художественный музей Республики Беларусь обязался обеспечить выпуск в свет тиража издания в срок не позднее 31 декабря 2009 г., напечатать в факсимильном варианте вступительную статью о Н. Н. Щекатихине и статью памяти научного редактора издания В. Н. Рябцевича.

И. И. Синчуком и Е. В. Карпенко вчerne были подготовлены обе статьи. Автор описал историю попыток продвижения рукописей для печати и дал краткий анализ структуры текстов Н. Н. Щекатихина, перечислил все главы каждой из рукописей, что даёт безусловное представление о размахе его труда. Без личного архива и библиотеки Н. Н. Щекатихина, взятых с собой в ссылку, как предполагает И. И. Синчук, такая работа была бы невозможной. Однако отсутствие у И. И. Синчука учёной степени, несмотря на весомое количество публикаций в сборниках конференций и научных журналах, горячая научная полемика, которую в последние годы вёл бывший ученик со своим учителем В. Н. Рябцевичем на научных конференциях, не способствовали согласию руководства нумизматического отдела Эрмитажа к комментированию текста белорусским археологом и нумизматом.

Тогда было принято компромиссное решение выпустить факсимильное издание этой рукописи в качестве «научного памятника» вместе с 50 предметами из коллекции Н. Н. Щекатихина, которые он передал Эрмитажу на хранение из Белебея¹. Впоследствии решили дополнить это издание ещё историческим

¹Отрывок из письма В. И. Прокопцова Г. В. Вилинбахову, 2008 год: «После обсуждения возможностей издания книги без научного редактора и составителя доктора исторических наук В. Н. Рябцевича, скоропостижно скончавшегося в 2008 г., было принято решение издать факсимильное воспроизведение рукописи Н. Н. Щекатихина “Топография кладов с литовскими монетами на территории древнего Литовского государства” (Часть I и II-ая, 1933 – 1934 гг.), хранящейся в фондах Вашего музея, с предисловием Е. В. Карпенко, заведующей отделом белорусского искусства НХМ, о роли Н. Н. Щекатихина в истории белорусского искусства и послесловием, посвящённым памяти доктора исторических наук В. Н. Рябцевича. В книгу предполагается поместить пятьдесят изображений монет ВКЛ, часть из которых надеемся получить из Ваших фондов. Комментарии в издании не предусмотрены. Планируемый тираж издания – триста экземпляров, которые делятся между

каталогом сфрагистики Н. Н. Щекатихина (250 экземпляров), которую исследовала сотрудник Эрмитажа Магдалена Алексеевна Добровольская. Было предложено напечатать и рецензию 1937 г. нумизматов Эрмитажа, которые оценили эту рукопись с позиций современной им науки.

Издание оказалось достаточно сложным и трудоёмким – около 1000 страниц с комментариями и приложениями. Главным камнем преткновения стал финансовый вопрос. Расчёт стоимости этого уникального фолианта определил сумму в несколько десятков тысяч долларов с учётом платы за право использования публикации и иллюстраций монет из эрмитажного собрания, фотосъёмка каждой из которых с двух сторон, согласно прейскуранту Эрмитажа, стоила около 50 евро. Музей в 2009 г. обратился к спонсорам – Национальному банку Республики Беларусь, Альфа-банку, российской фирме «Смоленские бриллианты», генеральному партнёру музея «Бритиш Американ Тобакко»: в 2010 г., объявленном в Беларуси «Годом культуры», финансово поддержать уникальное издание, посвящённое истории денежного обращения белорусских земель периода средневековья и нового времени, монетным кладам XIV – XVIII вв. Спонсоры рассмотрели этот вопрос и отказались его финансировать из-за узкоспециализированной тематики.

Договор, подписанный с Государственным Эрмитажем на издание данного памятника, завис. Не помогло и обращение потомков Н. Н. Щекатихина в 2010 г. – его детей, которые напрямую обратились к дирекции Эрмитажа с просьбой о снижении платы за публикации Н. Н. Щекатихина: «Мы, ближайшие родственники учёного, его дочь – Елена Николаевна Щекатихина, сын – Александр Николаевич Щекатихин, жена старшего сына – Елена Александровна Щекатихина, просим Вас рассмотреть право безвозмездного использования рукописи Н. Н. Щекатихина для публикации. Учитывая наш преклонный возраст (всем за 80 лет), просим Вас ускорить решение этого вопроса и очень надеемся на положительный ответ¹. Эрмитаж учёл это обращение и продлил срок реализации договора.

Следующий, уже третий по счёту договор между Национальным художественным музеем Республики Беларусь и Государственным Эрмитажем был подготовлен в 2012 г., им предусматривался срок сдачи всех материалов до 31

участниками проекта поровну. По вопросу финансирования издания будем сотрудничать с производственным объединением “Кристалл” (“Смоленские бриллианты”), которое по предварительным переговорам выразило готовность участвовать в финансировании проекта (архив отдела древнебелорусского искусства НХМ РБ).

¹Письмо хранится в архиве отдела древнебелорусского искусства НХМ РБ.

декабря 2013 г. Однако вопрос финансирования проекта и тогда так и не удалось решить. Всех писавших это письмо М. Б. Пиотровскому 23 марта 2010 г. уже нет в живых. В 2014 г. покинул музей И. И. Синчук, в 2015 г. умерла М. А. Добровольская, автор описания коллекции сфрагистики.

Сейчас эта бесценная рукопись, над подготовкой к публикации которой в течение 5 лет работало несколько сотрудников отдела древнебелорусского искусства, находится в архиве отдела музея и ждёт следующего поколения исследователей – специалистов-нумизматов, способных взяться за эту непростую задачу, начатую сотрудниками Национального художественного музея.

Первые шаги пройдены: рукописи получены, прочитаны и набраны. Остаётся совместно с Государственным Эрмитажем уже по новому договору продолжить эту работу нашим последователям – специалистам-нумизматам – сотрудникам Национального исторического музея или Белорусского государственного университета, где хранится коллекция В. Н. Рябцевича¹. Новые виды и способы публикации допускают более дешёвый вариант электронного документа, возможно, создания индивидуального сайта, посвящённого Н. Н. Щекатихину, где будут собраны и размещены все его статьи и произведения. Вероятно, пока время Н. Н. Щекатихина и спустя 80 лет после его смерти ещё не пришло. Однако надежда на продолжение проекта остаётся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шчакаціхін, М. М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М. М. Шчакаціхін. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 336 с.
2. Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна. 1896 – 1940. – Мінск : [б. в.], 1996. – 118 с.
3. Служебная записка В. А. Калинина Г. В. Вилинбахову от 6 июля 2006 г. // Архив отдела древнебелорусского искусства Национального художественного музея Республики Беларусь.
4. Письмо из Московского заочного педагогического университета иностранных языков (заочный сектор) об условиях сдачи кандидатского

¹На протяжении нескольких десятилетий В. Н. Рябцевич активно занимался полевыми археологическими исследованиями. В 1979 – 2007 гг. он был руководителем археологической экспедиции БГУ, которая вела раскопки древнерусских курганов в Витебской, Гомельской и Минской областях. Богатейшая коллекция, полученная в ходе этих работ, существенно пополнила экспозицию зала археологии учебного музея исторического факультета БГУ.

минимума. 28.12.1936. Ксерокопия // Архив Национального художественного музея Республики Беларусь.– Ф. 3. Оп. 1. Д. 36.

5. Архив Национального художественного музея Республики Беларусь.– Ф. 3. Оп. 1. Д. 39. Ксерокопии.

6. Синчук, И. И. Щекатихин Н. Н. и его творческое нумизматическое наследие / И. И. Синчук //Историк и его дело: судьбы учёных и научных школ:к 90-летию со дня рождения профессора В. Е. Майера : сб. междунар. науч.-практ. конф., Ижевск, 9–10 декабря 2008 г. / сост. и общ. ред.: Н. Ю. Старкова, Д. А. Черниенко (отв. ред.), Н. Г. Шишкина. – Ижевск, 2008. – С. 121 – 128.

Сардараў А. С.

НАВУКОВАЯ ПАЗІЦЫЯ ВУЧОНАГА

Даты, якія амаль што супадаюць па часе – 125-годдзе з днія нараджэння М. М. Шчакаціхіна і 100-годдзе Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, – глыбока звязаны паміж сабой. Перш за ўсё таму, што пачатак 20-х гадоў мінулага стагоддзя і гэтая асветніцкая ўстанова якраз і былі часам і месцам, значнымі для гісторыі нашай культуры. Менавіта ў 1923 – 1924 гг. у БДУ курс гісторыі беларускага мастацтва пачаў чытаць М. М. Шчакаціхін. Гэта было першае навуковае аргументаванае асэнсаванне ведаў і спадчыны, якія назапашваліся стагоддзямі.

Шлях сённяшній незалежнай Беларусі ў мінулыя 30 год і гэтыя даты выклікаюць неабходнасць зноў звярнуцца да нашай гісторыі, культуры, навукі і асэнсаваць месца ў іх такіх імён, як М. М. Шчакаціхін, і, безумоўна, звярнуцца да актуальных і сёння яго поглядаў і твораў.

Тут паўстаюць пытанні: а што сёння, у эпоху глабалізацыі, разумець пад катэгорыямі «нацыянальная культура», «мастацтва», «традыцыя»? Якія зараз адносіны паміж культурай, ідэалогіяй, рэлігіяй? Менавіта адказы на гэтыя пытанні магчыма знайсці у творах Мікалая Мікалаевіча і нават у яго трагічным жыццёвым шляху.

Жыццё вучонага, яго творчасць на Беларусі якраз супадаюць з Рэнесансам нацыянальнай свядомасці, які адбыўся ў канцы XIX – пачатку XX ст. Гэта быў грамадскі працэс, што абапіраўся на асэнсаванне беларускай гісторыі ў працах Я. Карскага, В. Ластоўскага, У. Пічэты, на пачуцці людзей, якія выклікалі галасы Янкі Купалы, Якуба Коласа і радкі «Нашай нівы».

Менавіта на гэтай глебе развіўся навуковы падыход да беларускай культуры М. М. Шчакаціхіна.

Адметнасць гэтага падыходу і яго сённяшняя актуальнасць у тым, што ён метадычна разглядае нацыянальную культуру як частку агульначалавечай. Дадзены падыход не селекцыйны, а сінтэтычны, ён абапіраецца не на ізаляцыю, а на аб'яднанне. З'явы беларускай культуры (перш за ўсё ў галіне археалогіі і архітэктуры) М. М. Шчакаціхін разглядаў у сувязі з культурамі іншых народаў, цывілізацый, рознымі рэлігійнымі свядомасцямі і канонамі. Ён знаходзіў агульнае ў беларусаў з балтамі, візантыйцамі, крыжаносцамі, усходнімі народамі. Таксама паслядоўна вучоны разглядаўуздзеянне пануючых рэлігій і рэлігійных поглядаў ад язычніцтва да праваслаўя і каталіцтва і іх уплыў на архітэктуру і эстетыку. Галоўнае, што добра заўважыў Мікалай Мікалаевіч, – гэта агульныя адносіны да Святла, Дабра, да Бога...

Абсалютна аргументаванымі і навуковымі былі погляды М. М. Шчакаціхіна на камунікатыўнасць культур, матэрыяльныя і духоўныя сувязі паміж рознымі народамі. Ён пісаў: «Усе гэтыя шляхі... здаўна стварылі для беларускае тэрыторыі шырокія магчымасці сталых зносін з разнастайнымі краінамі» [1, с. 15].

Менавіта ўнікальнасць тэрытарыяльна-географічнага становішча беларускіх земель стварыла ўмовы для контактаў, абменаў, пачынаючы з міграцыйных рухаў славян, вялікага «Пуці з варагаў у грэкі». Так і стварылася беларуская цывілізацыя, так былі вызначаны «беларуская готыка» і «віленскае барока». У анализе і параўнанні помнікаў Візантыі, Пруссіі, нават Арменіі з Ноўгарадам, Смаленскам, Полацкам, Віцебскам, Вільна, Мінскам, Гродна, М. М. Шчакаціхін упершыню ўбачыў і пазнаў неабходнасць не супрацьпастаўлення, а аб'яднання, сінтэзу людзей і культур.

Менавіта таму і сёння творы вучонага бясцэнныя, менавіта таму яны служаць не размежаванню, а аб'яднанню культуры і грамадства.

ЛІТАРАТУРА

1. Шчакаціхін, М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М. Шчакаціхін. – Мінск : Інбелкульт, 1928. – Т. 1. – 278 с.

Фотаальбом

М. М. Шчакаціхін

М. М. Шчакаціхін з маці, 1910-я гг.

М. М. Шчакаціхін з жонкай і дзіцем, 1920-я гг.

М.М. Шчакаціхін з жонкай, 1920-я гг.

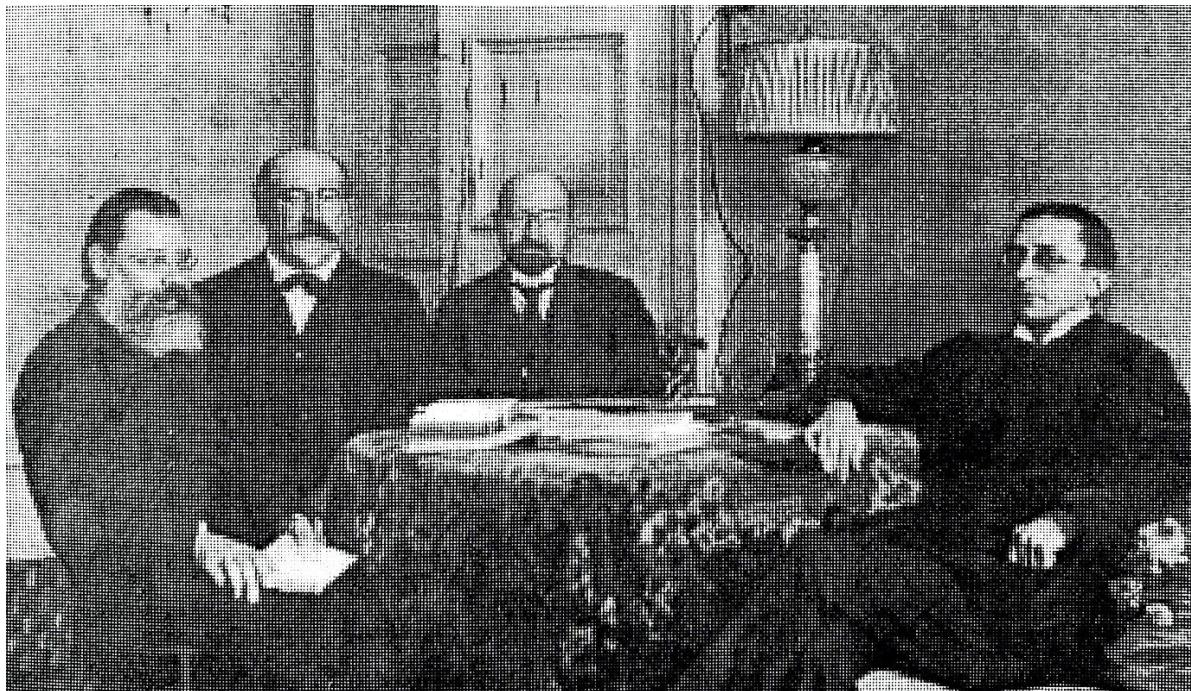
Харкаўскі музей, у якім М. М. Шчакаціхін працаваў навуковым супрацоўнікам у 1920 г. Фота 1920-х гг.

М. М. Шчакаціхін у працоўным кабінцы, пачатак 1920-х гг.

Будынак Інбелкульта па вул. Рэвалюцыйнай у Мінску. Фота 1926 г.

М. М. Шчакаціхін сярод выкладчыкаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1920-я гг. (злева направа: М. М. Нікольскі, А. А. Міхайлоўскі, У. І. Пічэта, М. М. Шчакаціхін)

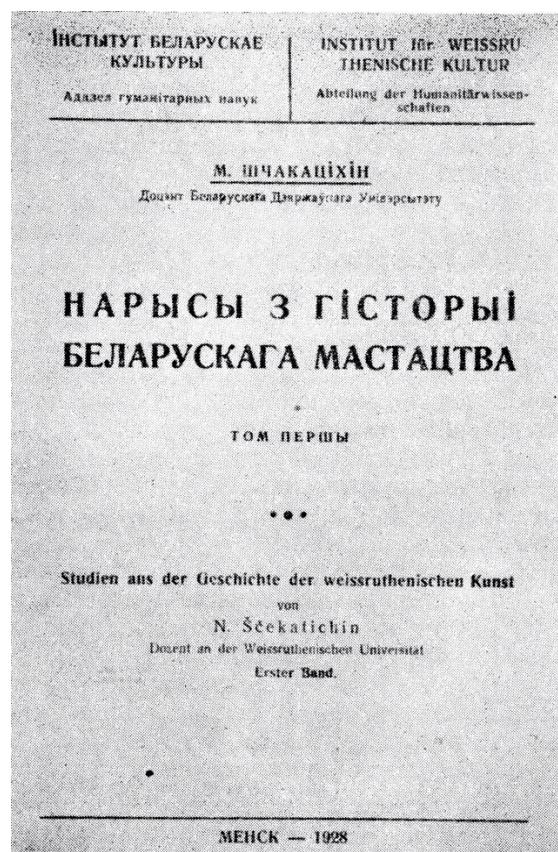
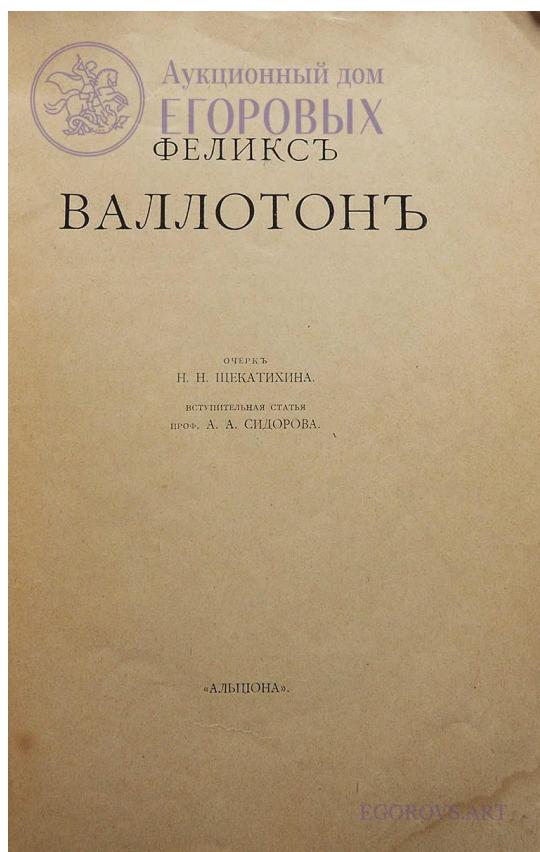
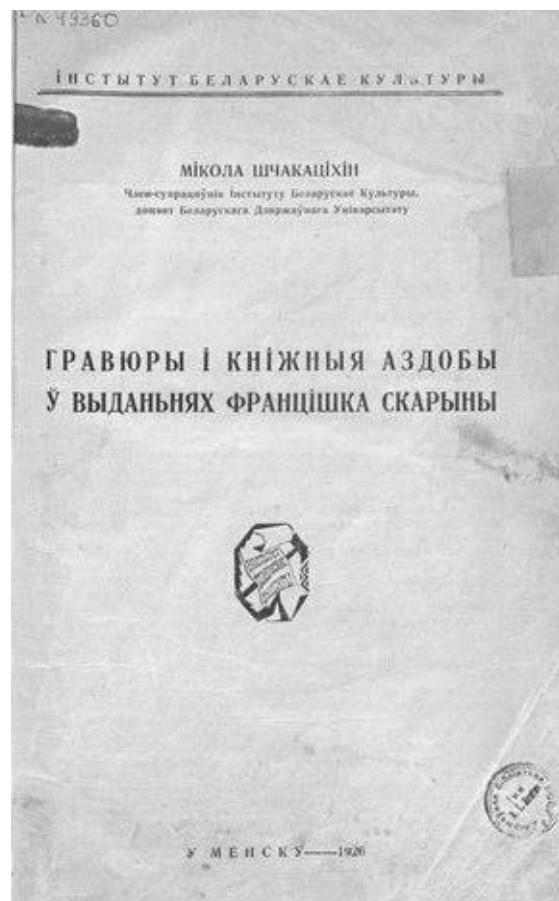
М. М. Шчакаціхін сярод супрацоўнікаў Беларускай акадэміі навук (другі злева ў верхнім радзе)

Асабістое пасведчанне вучонага, супрацоўніка Інстытута гісторыі
Беларускай акадэміі навук на імя М. М. Шчакаціхіна, 1930 г.

М. М. Шчакацін у працоўным кабінцы ў доме на рагу вул. Валадарскага і Універсітэцкай (цяпер Кірава) у Мінску. 2-я палова 1920-х гг. Архіў сям'і.

Навуковыя працы М. М. Шчакаціхіна

Дом у Белебеі (Башкартастан), дзе апошнія гады жыў і памёр М. М. Шчакаціхін. Беглы зав., 4, 1996 г. Фота І. Л. Чэбан. Архіў НММ РБ

Партрэт Г. М. Шчакаціхінай (мастак Я.Кругер, палатно, алей, сярэдзіна 1920-х гг.). Месца знаходжанне невядома. Партрэт, які М.М.Шчакаціхін узяў з сабой у ссылку ў Белебей.

Аптэка, у якой у 1937 г. М. М. Шчакаціхін выкладаў лацінскую мову
фармацэўтам. З відэаздымкі П. А. Федзіна
па матэрыялах камандзіроўкі І. Л. Чэбан у Белебей, 1996 г.

Школа №1 (былая жаночая гімназія), у якой у 1934 г. М. М. Шчакаціхін
выкладаў нямецкую мову.

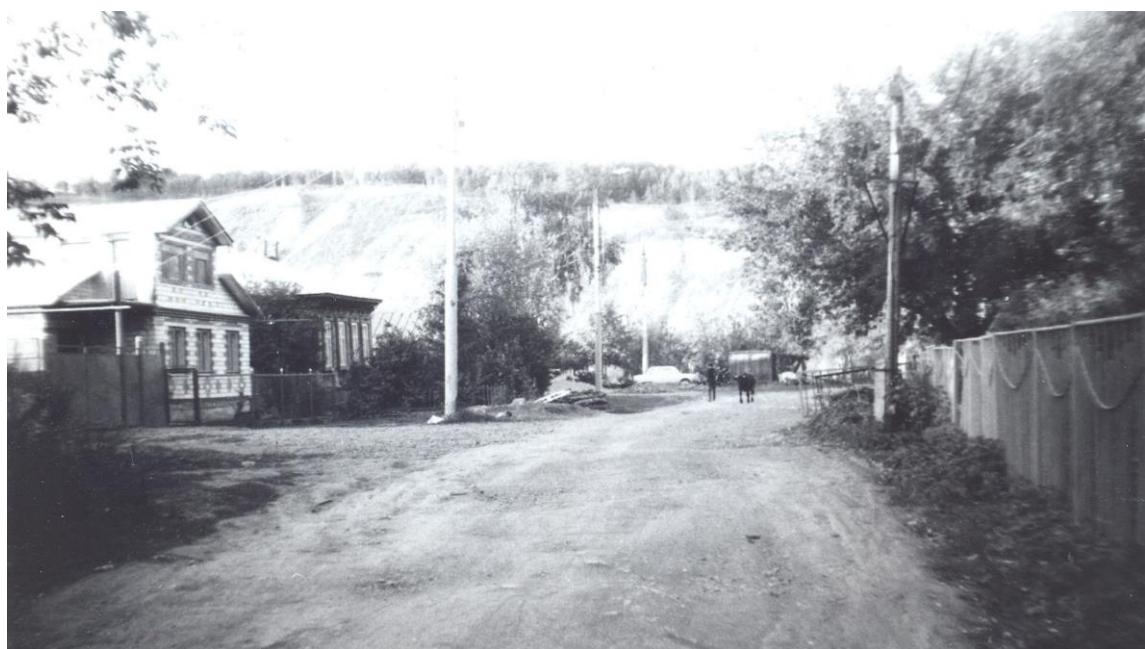
Будынак педагогічнага вучылішча, у якім у 1936 – 1937 гг.
М. М. Шчакаціхін выкладаў нямецкую і рускую мову і літаратуру. З
відэаздымкі П. А. Федзіна па матэрыялах камандзіроўкі І. Л. Чэбан у
Белебей, 1996 г.

Бальніца ў Белебеі, дзе ў 1930-я гг. лячыўся М. М. Шчакаціхін.
Фота І. Л. Чэбан, 1996 г.

Будынак турмы ў Белебеі, дзе ўтрымліваўся М. М. Шчакаціхін.
Фота І. Л. Чэбан, 1996 г.

Вуліца ў Белебеі, на якой знаходзіцца дом, дзе ў канцы 1930-х гг.
пражывала сям'я Шчакаціхіных. Фота І. Л. Чэбан, 1996 г.

Выступленне А. С. Ліса на адкрыцці мемарыяльнай дошкі
М. М. Шчакаціхіну, 2008 г. Фота А. А. Ярашэвіча.

Мемарыяльная дошка на доме ў Мінску, дзе М. М. Шчакаціхін жыў
у 1922–1930 гг. (скульптар К. Селіханаў, 2008 г.)

Круглы стол, прысвечаны 125-годдзю М. М. Шчакаціхіна, у Цэнтры даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Лістапад 2021 г. Фота Ю. С. Іванова.

Навуковае выданне

**МІКАЛАЙ ШЧАКАЦІХІН:
да 125-годдзя з дня нараджэння**

**(Матэрыялы круглага стала,
Мінск, 4 лістапада 2021 г.)**

Рэдактар *B.P. Гаўрыленка*

Падпісана да друку 03.03.2022 Фармат 60x84 1/16 Папера афсетная
Друк лічбавы Ум.-др.арк 4,0 Ул.-выд.арк. 4,5 Наклад 25 экз. Заказ 4475
ВТАА «Права і эканоміка» 220072 Мінск Сурганава 1, корп. 2
Тэл. 8 029 684 18 66

Надрукавана на выдавецкай сістэме Gestetner
у ВТАА «Права і эканоміка» Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі ВВРДВ,
выдадзенае Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь 17 лютага 2014 г.
у якасці выдаўца друкаваных выданняў за № 1/185